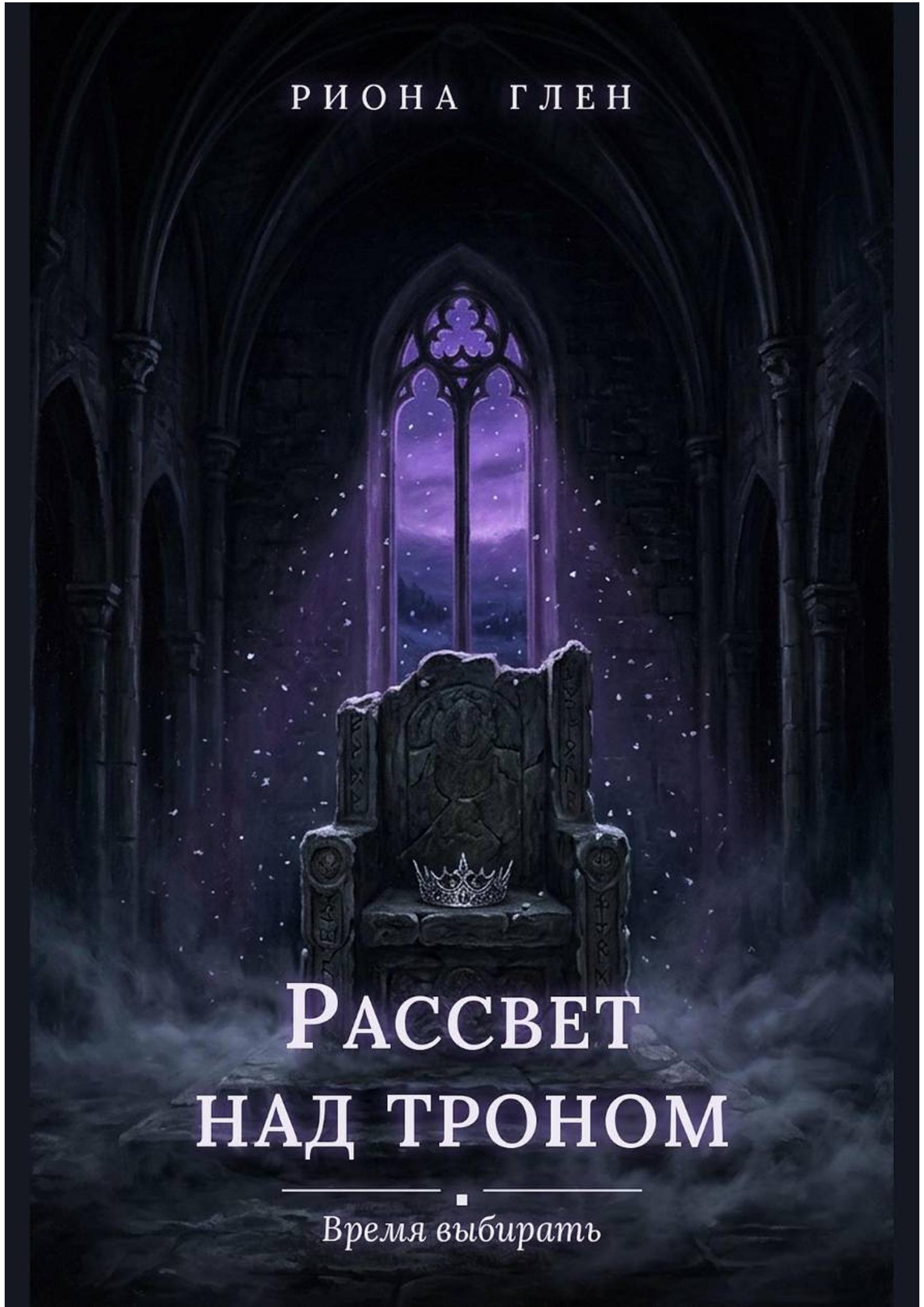
РИОНА ГЛЕН

Рассвет над троном

Время выбирать

Риона Глен

Рассвет над троном. Время выбирать

«Автор»
2026

Глен Р.

Рассвет над троном. Время выбирать / Р. Глен — «Автор», 2026

В Эвране корону получает самый достойный. Только Финниану всё чаще кажется, что решает это не король, а лорд Энгус Ардрих.Младший принц верит людям, держит слово и не умеет проходить мимо чужой беды. Ардрих при всём совете зовёт это мальчишеством, разбирает по косточкам каждое его решение и распоряжается его судьбой, не спросив его самого. С каждым днём Финниан всё яснее видит в нём врага. Старший брат Кайран всегда рядом, всегда с советом, сказанным вовремя. Только откуда Кайрану известно то, чего не знает никто?Финниану только исполнилось восемнадцать, и впервые от его выбора зависит не только его собственная судьба. Справится ли он с этой ношей?

© Глен Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Сказание о пяти богах 5
Глава 1. Взгляд Сэйрина 6
Глава 2. Чужие улыбки 11
Глава 3. Два перстня 14
Глава 4. Место за столом 17
Глава 5. Платок с незабудками 20
Глава 6. Котлы и мука 22
Глава 7. Двести двадцать пять 26
Глава 8. Несказанное 30
Глава 9. Письма под серой печатью 33
Глава 10. Северная невеста 36
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Риона Глен
Рассвет над троном. Время выбирать

Пролог. Сказание о пяти богах

Зрит Восток, а Запад помнит,
Север рубит, Юг читает,
Середина всех считает.
Кто на троне — тот и знает.
Детская считалка, записанная в Дун-Ардахе

* * *

В тот вечер столица праздновала совершеннолетие младшего принца. Корона выкатила на площадь бочки с вином, на перекрёстках горели костры, и музыканты, не умолкавшие с полудня, играли уже кто во что горазд. У одного из костров, на опрокинутом ящике из-под селёдки, сидел седой сказитель, и вокруг него собирались дети, подмастерья и те из горожан, кому вино ещё не отбило охоту слушать.

— Ближе, ближе к огню, пока не прогорел. Да не толкайся ты, рыжий, места всем хватит… А что селёдкой тянет, так это от ящика, не от меня. Эту сказку рассказывал мне дед, а ему — его дед. Каждый, кто нёс её до меня, что-то по дороге терял, а что-то добавлял от себя. Так что не спрашивайте, всё ли в ней правда. Расскажу, что знаю.

— Врёт он всё, — буркнул кто-то из подмастерьев, но на него зашикали.

— Богов на свете много, дети. Больше, чем пальцев у всех, кто сидит у этого костра, — и у тебя, рыжий, тоже, хотя ты их, гляжу, грызёшь усердно. Нашей земле досталось пятеро. Материк они поделили, как пирог на именинах, — каждому по куску, и каждый косится на чужой. Да только разошлись не с миром, а с заветом: оставили людям закон, кому сидеть на троне.

И у всех соседей за морем да за горами закон простой и понятный, дураку ясный.

На западе лунная Аргента велела отдавать корону первенцу — «Серебро не терпит спора». Зефранцы и не спорят: дурак на троне, говорят, всё равно дешевле войны. На севере у рубинового Блодгара закон короче меча: кто трон силой удержит, тот и король, а слабых там хоронят до заката. На юге за жрецов всё решают звёзды, а в сердце материка короля выбирают знатные дома.

У всех чужих богов ясно сказано, кому править. А наш Сэйрин, Судья рассвета, что подарил роду Эвранов глаза цвета неба перед восходом, заповедь дал всего одну:

«Трон примет самый достойный».

И ни полслова о том, кто решает, достоин ли.

— Кровь не врёт, дети. Врут люди.

Костёр осел. Сказитель пошевелил угли палкой, и искры взметнулись к темнеющему небу, туда, где над крышами светились высокие окна королевских покоев. Где-то позади уронили пустую бочку, и она с грохотом покатилась по мостовой.

— Слышите колокола? Процессия уже тронулась. Нынче младшему сыну короля исполнилось восемнадцать, и с этого дня у нас два взрослых принца. А кто из них достойнее, пусть рассудит Сэйрин. Если, конечно…

Старик покосился на стражника, что подпирал стену у винных бочек, и не договорил.

— Ну, чего расселись? Бегите смотреть процессию, пока не прозевали.

Глава 1. Взгляд Сэйрина

Эвран есть королевство, на восточном краю материка лежащее, от моря до Гленморских лесов. Правят там короли из дома Эвран, коим, по преданию, сам Сэйрин, судья рассвета, глаза в фиолетовый цвет окрасил. Престол же у них не первенцу отходит, как в Зефране заведено, но тому из сыновей, кто достойнейшим себя явит. Оттого всякое поколение королевское в соперничестве живёт, а двор — в шёпоте и ставках.

Столица Эврана, Дун-Ардах, на скале над рекою стоит, и храм Сэйрина в ней выше всех крыш поставлен, дабы Сэйрин город первым видел. Говорят, что и судит он его первым.

Брат Мэлахи из Брумы. «Летопись земель восточных»

Финниан

Колокола Дун-Ардаха били так, что у Финна дрожали рёбра.

Он ехал во главе процессии на белом жеребце, которого отец подарил ему к этому дню, и старался держать спину так же прямо, как держал её король Лоркан на всех парадных портретах. Получалось скверно. Жеребец, существо благородное, но к колокольной меди непривычное, на каждый удар фыркал и прял ушами. Финн же то и дело оборачивался на крики и на лица в окнах, а принцу на портрете этого делать не полагалось.

Город сошёл с ума. На перекрёстках горели костры, у выкаченных на площади королевских бочек толпились горожане с кружками и ковшами. С балконов сыпали лепестки, и они липли к конским гривам. Девчонка лет семи вырвалась из рук матери и подбежала почти под копыта, протягивая помятый венок из синих цветов. Стражник дёрнулся её оттеснить, но Финн успел первым: нагнулся в седле, взял подарок и повесил на луку. Толпа взревела, как после выигранного сражения.

— Осторожнее, ваше высочество, — раздалось слева. — Ещё один такой венок, и половина столицы захочет за тебя замуж.

Тиб, как и положено компаньону[1], ехал на полкорпуса позади. За одиннадцать лет он ни разу не сократил этого расстояния, хотя Финн все эти годы звал его ехать рядом. Ради праздника Тиб даже пригладил тёмно-русые вихры, и вид у него от этого был непривычно чинный. Только карие глаза смеялись по-прежнему.

— В жёны мне нужна только одна, — сказал Финн.

— Знаю, знаю. Слышу о ней с того дня, как тебе стукнуло десять. — Тиб улыбнулся. — Завтра наконец скажешь это королю сам. Уже как мужчина.

Финн промолчал, но рот сам собой расползся до ушей. Завтра его слово станет словом короны, и никто больше не скажет ему «подожди, пока подрастёшь».

У одного из костров толпа стояла гуще. Процессия замедлилась, и сквозь гул донёсся охрипший голос сказителя:

— …и с этого дня у нас два взрослых принца. А кто из них достойнее, пусть рассудит Сэйрин…

Финн повернул голову и успел заметить седую всклокоченную шевелюру и детские лица, подсвеченные огнём. Потом дети сорвались с мест и побежали вдоль процессии, выкрикивая его имя.

— Слышал? — Финн поморщился. — «Кто из них достойнее». Будто о скачках.

[1] Компаньон — сверстник из знатной семьи, с детства воспитываемый при королевском сыне. По обычаю в процессиях едет на полкорпуса позади принца и не выравнивается с ним, пока тот не прикажет. Финн приказывал. Безрезультатно.

— Для них это и есть скачки, — легко отозвался Тиб. — В каждом трактире ставки. В «Трёх жаровнях», говорят, на тебя ставят вдвое реже, чем на Кайрана. Не бери в голову. Люди тебя любят. Смотри сам.

Финн посмотрел. К нему тянулись руки, ему улыбались из дверей беззубые старухи, а громче всего кричали в бедных кварталах, где кричать было, в общем-то, не о чем. Старшему брату, Кайрану, было двадцать семь. Народ его уважал: Кайран давно заседал в совете, судил споры честно и слов на ветер не бросал, а лорды его побаивались. Но любили Финна за то, что он помнил по именам дворцовых конюхов и наклонялся с седла за детскими венками. И он тут же пообещал себе, что никогда не даст людям повода об этой любви пожалеть.

Колокол над храмом ударил снова, и у Финна опять задрожали рёбра.

* * *

Храм Сэйрина стоял на восточном холме. У дверей процессия остановилась: дальше Финну полагалось идти одному.

— До рассвета, — сказал Тиб, принимая поводья. — Не усни там. Если Сэйрин придёт на тебя посмотреть, а ты храпишь, выйдет неловко.

— Боги давно не приходят смотреть.

— Тем более не стоит давать им повод обидеться.

Финн фыркнул, и стало легче.

Внутри было тихо. Городской шум остался за тяжёлыми дверями и доносился глухо, как из подвала. Старый жрец подвёл принца к алтарю, поставил перед ним одну-единственную свечу и удалился, не сказав ни слова. Жрецы Сэйрина вообще говорили мало. Злые языки утверждали, что из скупости: слово, мол, тоже чего-нибудь да стоит.

Алтарь стоял прямо под восточным окном, высоким и узким, как бойница. По краю алтарного камня шли слова, которые Финн знал раньше, чем научился читать:

«ТРОН ПРИМЕТ САМЫЙ ДОСТОЙНЫЙ».

Он опустился на колени. Пол был холодный, как и положено камню в храме, где ночью не топят ради умерщвления плоти и экономии дров. Начиналось бдение[2].

Первый час мысли прыгали с одного на другое: толпа, девочка с венком, слова, которые он завтра скажет отцу об Айслин. Говорить надо будет твёрдо, без просьб. Потом и это ушло, и остались только свеча и надпись на алтаре.

Самый достойный.

Лет в десять он спросил на уроке у Энгуса Ардриха, главного советника отца, что это значит. Тот отложил перо и ответил: «Тот, кто сможет вынести самые тяжёлые решения, ваше высочество». Тогда Финн ответа не понял. Теперь был уверен, что понял прекрасно: старик просто искал оправдание жестокости. Достойный защищает слабых и не меняет людей на выгоду.

К середине ночи колени перестали болеть и просто онемели. Свеча прогорела до половины. Финн смотрел в чёрное окно и думал о матери. Королева Валерия как-то рассказывала ему, что у неё на родине никаких бдений нет и никаких гонок тоже: трон получает старший, вот и весь сказ. «Серебро не терпит спора». «А у вас каждое поколение дерётся само с собой, — добавила она тогда с лёгким презрением. — Как волки». Финн в тот раз обиделся за свой народ. Теперь, в пустом храме, ему впервые послышалась в её словах тревога.

Он не хотел драться с Кайраном. Ему нужно было лишь одно: чтобы брат хоть раз посмотрел на него не сверху вниз. Но если ради этого придётся доказать всему Эврану, кто из них достойнее, — что ж. Докажет.

---

[2] Ночь, которую королевский сын в день совершеннолетия проводит в храме Сэйрина на коленях, до первого света. Считается, что на рассвете бог смотрит на него через восточное окно и выносит суждение.

Он не заметил, как начало светать. Сначала окно просто перестало быть чёрным, потом посинело. А потом узкая щель в камне вдруг налилась фиолетовым, и свет лёг на алтарь, на высеченные буквы и на руки Финна.

Взгляд Сэйрина. Цвет его собственных глаз.

* * *

За спиной заскрипели двери.

Первым вошёл отец. Король Лоркан был в простом тёмном плаще и без венца: в храме Сэйрина корону не надевали, ибо судил здесь не король. За ним шла мать, и даже в полумраке было видно, как блестят её серебряные глаза. Следом — Кайран с женой, леди Бриджит, и Энгус Ардрих, брат покойной матери Кайрана, высокий, прямой, седеющий у висков. Позади зевали в рукав лорды в дорогих плащах: им-то этой ночью дали поспать.

Финн попробовал подняться и едва не упал: ноги за ночь превратились в два полена. Чья-то рука подхватила его под локоть. Это был Кайран.

— Спокойно, — тихо сказал брат. — Первые шаги всегда такие.

Финн высвободил руку резче, чем собирался. Первые шаги. Как ребёнку, который учится ходить. Даже сегодня, даже здесь Кайран не удержался от наставления. Брат помедлил, потом пожал плечами и вернулся к отцу.

Обряд оказался коротким. Жрец назвал его полным именем, Финнианом из дома Эвран, как звали его разве что в грамотах, и спросил, что он видит в окне. Финн ответил, как учили: «Рассвет и суд». Потом повторил клятву служить Эврану словом, мечом и совестью, и голос его ни разу не дрогнул, чем он втайне был горд. Лоркан шагнул вперёд и надел ему на палец тяжёлый перстень с аметистом[3]— такой же носил Кайран.

— Сегодня ты стал мужчиной, сын, — сказал король так тихо, что услышал один Финн, и в уголках его фиолетовых глаз собрались знакомые с детства морщинки. — Сделай так, чтобы я гордился.

Финн сглотнул. А подняв глаза, наткнулся на взгляд Энгуса.

Советник смотрел на него, прицениваясь, как барышник на конской ярмарке смотрит на трёхлетку. Финн упрямо выдерживал этот взгляд, пока Энгус первым не отвёл глаза, и остался этим очень доволен.

Когда они вышли на ступени, солнце уже стояло над крышами, а внизу, на площади, гудела толпа, так и не разошедшаяся с вечера. На миг он ослеп.

А потом увидел её.

Айслин стояла среди знатных семей у подножия лестницы, рядом с отцом, графом Гленмором. Бледно-голубое платье, солнце в светлых волосах. Она подняла глаза и улыбнулась — тихо, только ему.

Он забыл и про ноги, и про Энгуса. Восемь лет он ждал дня, когда сможет сам, не спрашивая ничьего позволения, просить её руки. И вот она здесь, в десяти ступенях от него.

Глашатай ударил жезлом о камень. Площадь стихала неохотно, волнами, и когда тишина докатилась до самых дальних рядов, он набрал в грудь воздуха.

— Люди Эврана! Сегодня перед ликом судьи рассвета принц Финниан из дома Эвран принёс клятву и стал голосом короны! Все сыновья короля Лоркана достигли совершеннолетия. И по слову Сэйрина да примет трон самый достойный!

Кричали его имя, имя Кайрана, а то и просто так, потому что праздник и вино бесплатное. Финн оглянулся на брата. Кайран стоял ступенью выше, спокойный, будто ничего особенного не случилось, и смотрел на него. Как всегда, сверху вниз.

---

[3] Перстень голоса. Его носитель вправе говорить и подписывать от имени короны. Такие перстни носят король и совершеннолетние принцы.

Внизу толпа расступилась, и Тиб помахал ему, ухмыляясь во весь рот. Он, конечно, простоял у дверей храма всю ночь.

Весь день Финна передавали из рук в руки, как праздничный кубок. Послы, старшины гильдий, лорды с жёнами и дочерьми спешили поздравить и, поздравляя, присматривались. Финн отвечал, улыбался, впервые приложил новый перстень к грамоте о помиловании двух мелких воришек по случаю праздника и к полудню перестал различать лица. Отца он видел лишь издали: короля ни на минуту не отпускали то советники, то гости. Поспать ему дали час, не больше.

К вечеру в большом зале дворца зажгли столько свечей, что неделей позже казначей схватится за голову. Музыканты на галерее подтягивали струны. У стен шелестели шелка и перешёптывания. Ел Финн в последний раз вчера, до храма, и вспомнил об этом, только когда мимо пронесли блюдо с жареными перепелами. Голода не было, только лёгкость в голове, как от вина, которого он ещё не пил.

По обычаю бал открывал тот, в чью честь его давали[4], и весь зал гадал, кого Финн выберет.

Он знал, чего от него ждут. Дочь герцога Даргела стояла в первом ряду, в алом, как герб её дома, с видом невесты, которой осталось лишь примерить корону. Её отец ещё днём, на приёме, дважды отыскал повод сообщить принцу, как рад его дом этому совершеннолетию. Стоит пригласить её на первый танец, и весь двор решит, что младший принц заключил союз с домом Даргелов, а значит, всерьёз вступил в борьбу за трон.

Финн вежливо кивнул ей на ходу и прошёл через весь зал.

Айслин стояла у дальнего окна, в стороне от знати поважнее, как и подобало дочери графа. Она была в белом, с тонкой серебряной вышивкой по лифу. У виска из уложенных волн выбился непослушный светлый локон. Зелёные глаза смотрели чуть удивлённо, словно она всё никак не могла поверить, что мир бывает таким красивым. Сколько Финн её знал, он так и не привык к тому, что она существует на самом деле.

Зал стих, когда он остановился перед ней и поклонился.

— Леди Айслин. Окажете мне честь?

Она вспыхнула, и пальцы её легли в его ладонь — лёгкие, прохладные.

— Ваше высочество… все смотрят, — прошептала она.

— Пусть смотрят.

Заиграла музыка. Айслин танцевала легко, едва касаясь пола, и не сводила с него глаз.

— Вчера вы были как рыцарь из баллады, — сказала она. — Когда взяли венок у той девочки… Я видела из окна. А потом всю ночь молилась, чтобы в храме вам не было холодно.

Финн рассмеялся, и старая графиня у колонны осуждающе поджала губы.

— Ваши молитвы не помогли. Там было холодно, как в леднике.

— Ой. — Она так искренне огорчилась, что Финну стало стыдно за шутку. — Тогда буду молиться усерднее… А вам нравится моё платье? Я выбирала его три месяца. Матушка говорила, что белое — это слишком смело, а я сказала: пусть, ведь такой день.

— Оно прекрасно, — ответил Финн.

В ней не было ни капли придворной игры, ни единого слова с двойным дном. После целого дня среди лордов, которые взвешивали каждую его улыбку, как менялы монету, с ней было легко.

На повороте танца за её плечом мелькнули лица: мать с вежливой непроницаемой улыбкой, побагровевший герцог Даргел, усталый Энгус. И Тиб у стола с вином. Тиб поднял кубок и подмигнул.

---

[4] Так называемый первый круг. Выбор пары для первого танца при эвранском дворе принято толковать как заявление — о союзе, о симпатиях, а то и о намерениях.

Завтра он поговорит с отцом. С утра.
За высокими окнами над Дун-Ардахом давно стояла ночь.

Глава 2. Чужие улыбки

Королевский совет Эврана из двенадцати мест состоит, и места те наследственны. Первое по чести принадлежит дому Шеннах, ибо род сей старше самих Эвранов, второе — Ардрихам, третье — Даргелам. Однако же честь и сила в совете эвранском редко за одним столом сидят. Говорят при дворе так: Шеннахи имеют голос, Даргелы — копья, Ардрихи же — память, и последнее из трёх опаснее прочих.

Брат Мэлахи из Брумы. «Летопись земель восточных»

Кайран

Кайран понял, что сделает брат, по лицам вокруг.

Он стоял у колонны с кубком, к которому так и не притронулся, и смотрел на зал. Лица за мгновение до события говорят больше, чем лица после. Дочь герцога уже приподняла руку для поцелуя. Её мать уже обменялась взглядом с мужем. А младший принц уже смотрел поверх их голов туда, где у дальнего окна белело платье графской дочки.

Кивок на ходу — вежливый, каким удостаивают стражника у дверей. И дальше, через весь зал.

Кайран медленно выдохнул.

Весь день Даргел обхаживал Финна у всех на виду, и даже слуги перешёптывались. Любви к младшему принцу герцог не питал: он ненавидел Ардрихов[5], а значит, и всякого, в ком текла их кровь. В Кайране она текла по матери. Зато у Даргела имелись три тысячи копий, серебряные рудники и привычка ничего не забывать. Лучшего союзника Финну не сыскать во всём Эвране. И вот на глазах у всего двора мальчишка вытер об этого союзника ноги.

— Он влюблён, — тихо сказала Бриджит. Жена стояла на шаг позади и смотрела на танцующих с той мягкой улыбкой, которую обычно берегла для их детей. — Взгляни на него, Кайран. Он же сияет.

— Вижу.

— Вспомни себя в его годы.

Кайран вспомнил. В его годы он уже сидел в совете и знал наперечёт, сколько копий у каждого за столом. Вслух он, однако, сказал другое:

— Влюблённость — не политика.

Бриджит повернулась к нему, и он знал, что она видит больше, чем ему хотелось бы. За шесть лет брака она научилась читать его без подсказок.

— Не всё на свете политика.

— В этом зале — всё.

* * *

Герцог Шеннах подобрался так, как подбираются к чужому костру: бочком, с улыбкой, готовый и присесть, и откланяться. Бархат на старике был того покроя, что гремел при дворе лет двадцать назад, а цепь с гербом на груди — такой толщины, что ею впору запирать крепостные ворота. Шутили, что она стоит дороже всех его земель.

— Ваше высочество. Изумительный вечер. Изумительный юноша ваш брат, принц Финниан. Столько… огня.

— Герцог. — Кайран слегка наклонил голову. — Огня в нём хватает.

---

[5] Старинный герцогский дом. Герб — серая печать на сером поле; люди Ардрихов носят серые плащи, а сами Ардрихи, как правило, и глаза серые. Из этого дома происходила первая жена короля Лоркана, Орла, мать принца Кайрана.

— И сердца, сердца тоже. Народ такое любит. — Старик пожевал губами и вкрадчиво продолжил: — Хотя сердце, разумеется, ещё не всё. Чтобы править, нужна и голова. И опыт. И, конечно, друзья, на которых можно положиться. Старые, проверенные друзья.

Он умолк, оставляя принцу место для ответа. Кайран его не занял. Эту игру он знал. Дом Шеннах[6]был старше самих Эвранов, и старик не упускал случая напомнить об этом на каждом пиру. Земель у них почти не осталось, людей тоже, зато уцелели имя и место в совете. Нынче имя и голос выставлялись на торг, и почтенный герцог прикидывал, кто даст больше.

— Вы мудрый человек, — сказал Кайран. — Уверен, вы сумеете разглядеть достойного, когда придёт время.

Разочарование мелькнуло в выцветших глазах лишь на миг. Потом старик раскланялся и уплыл дальше, к следующему костру.

— Стервятник, — произнёс голос за спиной. — Завтра он подойдёт к твоему брату с теми же речами. Только там слушатель окажется попроще.

Энгус встал рядом, и Бриджит, вежливо улыбнувшись ему, отошла к дамам.

— Дядя.

— Не здесь, — поморщился Энгус.

На людях полагалось звать его лордом Ардрихом, и племянник это помнил. Просто иногда слово срывалось само, как в детстве.

— Ты видел лицо Даргела.

— Видел.

— Это хорошо для нас. — Советник произнёс это без малейшей радости, как говорят о погоде. — И плохо для королевства. Мальчик не понимает, что отныне каждый его шаг записывают, а промахи складывают в копилку.

— Поймёт.

— Да? — Энгус повернул голову и посмотрел на него тем взглядом, от которого племянник в детстве начинал заново проверять уроки. — Ты его защищаешь. Снова.

— Он мой брат.

— Он твой соперник. С нынешнего утра — прежде всего. Дом Ардрих стоит за тобой. Мой брат передал это сегодня, и я повторяю его слова. Но за тем, кто тратит время на оправдание чужих ошибок, долго стоять не станут.

Энгус направился к королю, прямой, как пика. Кайран смотрел ему вслед и не находил, что возразить.

* * *

После третьего танца он нашёл Финна у стола с вином. Раскрасневшийся, с влажными висками, брат смеялся над тем, что вполголоса говорил ему Тиберий Гарвах. Стоило Финну заметить старшего, как смех утих, и Кайран отметил это так же спокойно, как отмечал всё остальное.

— Ваше высочество. — Гарвах поклонился ровно настолько, насколько полагалось, ни на волос ниже.

— Гарвах. — Кайран повернулся к брату. — Хотел поздравить тебя сам, без глашатаев. Ты хорошо держался утром в храме. Лучше, чем я в своё время.

Это была правда. Сам он когда-то перепутал слова клятвы. Заметил один Энгус и потом целый месяц припоминал. Финн о том не знал. И, судя по сузившимся глазам, не поверил.

— Благодарю, — сухо отозвался он.

Следовало на этом остановиться. Кайран понимал — и всё же продолжил, понизив голос:

---

[6] Так, по крайней мере, следует из родословных, которые хранят сами Шеннахи. Проверить их, впрочем, некому.

— Завтра отправь Даргелу подарок. Недорогой, но со своей печатью. Книгу для его дочери, сокола, что угодно. И позови его на охоту. Ты обидел человека, который хотел стать твоим другом, а такие, как он…

— Я сам решу, с кем мне танцевать. — Финн не повысил голоса, но уши у него запылали. — С сегодняшнего утра — сам. Или ты пропустил церемонию?

Тиберий тихо кашлянул, словно прикрывая смешок. Потом легко тронул друга за локоть:

— А охота — это мысль. Даргел полвечера рассказывал про своих соколов. Позови его ими похвастаться, и он простит тебе даже танец.

К удивлению Кайрана, брат фыркнул и оттаял. Совет был тот же самый, только от друга Финн его принял. Кайран мысленно отдал гарваховскому мальчишке должное: с Финном тот ладил, как никто во дворце. И уж точно лучше старшего брата.

Тиберий, всё ещё усмехаясь и не отпуская правой локтя друга, бросил в рот последний орешек с блюда, сгрёб левой со стола кубок и сунул принцу.

— За охоту. И чтобы соколы Даргела оказались хоть вполовину так хороши, как он о них рассказывает.

Финн рассмеялся и принял кубок. На брата он больше не смотрел.

* * *

На балконе было холодно и тихо. Музыка долетала сюда приглушённой, а внизу, на площадях, ещё догорали костры, и город походил на рассыпанные угли.

Кайран опёрся локтями о каменные перила. Шея затекла ещё днём, над прошениями, и на холоде заныла сильнее.

С этого балкона он когда-то показывал трёхлетнему Финну фейерверк[7]. Держал малыша на руках, хотя руки к концу вечера отваливались, и тот визжал от восторга и при каждом хлопке прятал лицо у него на плече. Потом младший годами ходил за ним хвостом — в конюшни, в фехтовальный зал, даже на уроки Энгуса, где сидел в углу тише мыши и не понимал ни слова.

Когда это кончилось, он уже не помнил. Не было ни ссоры, ни случая, о котором можно сказать: вот здесь. Просто однажды он заметил, что брат больше не улыбается, когда он входит в комнату. И что любое его слово Финн слышит как упрёк.

Может, дядя прав, и иначе быть не могло. Изречение Сэйрина легло между ними в тот самый день, когда младший появился на свет и девятилетний Кайран из наследника превратился в одного из двух. Тогда он не понял, что это значит. Он просто радовался брату.

Теперь понимал. И видел то, чего не видели ни толпа на площади, ни сам Финн: в этой гонке проигравший теряет всё.

Значит, гонку надо выиграть.

Зашуршали шаги. Молодой слуга мялся на пороге, держа в руках что-то синее и помятое.

— Ваше высочество, простите… Конюхи нашли на луке седла принца Финниана. Не знают, выбросить или…

Кайран взял венок. Синие цветы за сутки совсем поникли, один стебель выбился и торчал в сторону, как непослушная прядь. Он бережно заправил его на место.

— Не выбрасывай. Отнеси в покои брата. И не говори, кто велел.

Слуга поклонился и исчез. Кайран ещё немного постоял, глядя на огни внизу, а потом вернулся в зал, где его уже ждали чужие улыбки.

[7] Огненная потеха, искусство которой пришло в Эвран из Миттара. Стоит дорого, а потому устраивается лишь по самым большим праздникам.

Глава 3. Два перстня

Дроморская марка[8] есть северный щит Эврана, меж Борейном и землями королевскими положенная. Держат её маркизы Дроморы, коим корона вверила перевал и стражу на нём. Плату же за проход по оному, именуемую дорожной податью, маркизы берут не в казну, но на жалованье той страже, ибо сказано: щит, коего не кормят, щитом быть перестаёт.

Северяне же перевал сей зовут не иначе как воротами, и полагают, что ворота рано или поздно открываются.

Брат Мэлахи из Брумы. «Летопись земель восточных»

Лоркан

Перстень с аметистом снимался туго. За тридцать лет он врос в палец, как корень в камень, и король давно уже не расставался с ним даже ночью. Но сегодня всё-таки стянул: хотя бы на час ему хотелось побыть просто отцом. Перстень лёг на стол рядом с другим, поменьше, — детским перстнем Финна, который жрец снял с него утром в храме.

Два фиолетовых камня тускло поблёскивали в свете свечи.

За стеной ещё играла музыка: молодёжь собиралась танцевать до рассвета. В кабинете было тихо. Лоркан покинул бал, едва это стало прилично. Сорок восемь лет — ещё не старость, но после целого дня на ногах спина напоминала о каждом из них, а о некоторых — дважды.

Дверь открылась без стука. Так в этот кабинет входил только один человек во всём Эвране. Королева всегда ждала разрешения, словно за девятнадцать лет так и осталась здесь гостьей.

Энгус молча прошёл к низкому шкафу, достал бутыль тёмного стекла и наполнил два кубка. На балу лили приторное вино, а здесь держали горькую северную настойку[9] — ту самую, которую они впервые стащили из дворцовых погребов в тринадцать лет.

— Ты ушёл рано, — сказал он, протягивая кубок.

— Я король. Мне можно.

— Ты старик, — поправил Энгус и опустился в кресло напротив, не дожидаясь приглашения. — Мне можно сказать.

Лоркан усмехнулся в кубок. Любого другого лорда за такие слова вывели бы из дворца под руки. Энгус же говорил их сорок лет, с того самого дня, когда восьмилетнего мальчика из дома Ардрих привели во дворец и объявили юному принцу, что отныне это его друг. Его высочество тогда огрел новоявленного товарища деревянным мечом по уху. Маленький Ардрих спокойно отобрал меч и сообщил, что так его держат только девчонки. С тех пор мало что изменилось. Разве что мечи стали настоящими.

— Говори, — сказал Лоркан. — Ты ведь не за настойкой пришёл.

— За настойкой тоже. — Советник отпил и поморщился, как морщился с тринадцати лет. — Твой сын сегодня плюнул в лицо Даргелу.

— Он пригласил на танец девушку, которая ему нравится.

— Это и есть плевок в лицо Даргелу. Только Финн этого даже не заметил. — Энгус отставил кубок. — Лоркан, ты видел их сегодня. Один весь вечер считал чужие копья и чужие обиды. Другой танцевал. Ты знаешь, кого из них я хочу видеть на троне.

— Знаю. — Король покрутил кубок в пальцах. — Того, в ком течёт кровь Ардрихов.

Сказано это было спокойно, и всё же Энгус умолк. Потом заговорил тихо:

---

[8] Марка — пограничная область королевства, которой правит маркиз.

[9] Её называют «горечью»: настаивается на можжевельнике и северных травах, крепостью превосходит любое вино. При эвранском дворе считается напитком грубым и подаётся разве что солдатам и тем, кто пьёт не ради вкуса.

— Будь Кайран глупцом, я первым пришёл бы сюда и сказал тебе об этом. Ты знаешь. Я служу Эврану, Лоркан, и дом Ардрих тут ни при чём. Назовёшь Финна — буду служить Финну до конца. Но королевство ты этим похоронишь. Не сразу. Лет через десять, когда нас обоих уже не будет рядом.

Лоркан почувствовал, как к лицу приливает кровь, и подождал, пока отпустит. Следом пришла мысль куда менее приятная: Энгус, скорее всего, прав. Валерия говорила то, что было выгодно ей, а он всю жизнь говорил то, что есть.

— Он молод, — произнёс наконец король. — Мы в его годы были не умнее.

— Мы в его годы воровали настойку и о троне не думали. — Голос советника чуть смягчился. — А выбрали всё-таки тебя. И ты стал хорошим королём, потому что умел слушать. Финн не умеет. Он слышит только тех, кто с ним согласен.

Лоркан промолчал. Над столом висел маленький портрет, который он не снял ни после второй свадьбы, ни после просьб Валерии. Девушка в зелёном, с такими же серыми глазами, как у брата. Орла. Ей было девятнадцать, когда она родила Кайрана и не дожила до утра.

Энгус проследил за его взглядом, но ничего не сказал. О сестре он не заговаривал никогда, даже здесь.

— Я ещё не решил, — сказал король. — И не решу, пока не увижу обоих в деле. Не на балу, Энгус. В деле.

— Справедливо, — согласился Энгус. — Только не тяни. Дела не станут ждать, пока ты выберешь.

Он вынул из-за отворота сложенный лист и положил его на стол, аккурат между двумя перстнями.

— Из Дромора[10]. Пришло вечером, пока все пили за здоровье твоего сына. Борейнский отряд сжёг две деревни у перевала. Маркиз ответил как смог, и теперь северяне считают, что начали мы.

Лоркан развернул донесение. Короткие строки, выведенные солдатской рукой: сколько убито и сколько людей у маркиза ещё осталось.

— Третья стычка за лето, — заметил король.

— И не последняя. Борейн уверен, что мы слабеем. У них так заведено: кто не отвечает ударом, тот слаб, а их бог Блодгар слабых не жалует. — Энгус смотрел в упор. — Война на севере обойдётся нам дороже любого мира. Даже самого неприятного.

— Я помню.

— А помнишь, чего он будет стоить?

— Я сказал: помню.

На этот раз в голосе короля прорезалось такое, что Энгус предпочёл отступить. Он сложил лист и спрятал обратно.

— Тогда переговоры в Дроморе. До зимы, пока перевал открыт. Кого ты пошлёшь со мной?

Лоркан смотрел на два перстня, большой и маленький.

— Решу утром. Иди спать, Энгус. Ты тоже не молодеешь.

Советник хмыкнул, допил настойку одним глотком и вышел.

Король ещё долго сидел один. Потом выдвинул верхний ящик стола и достал другое письмо — старое, мягкое на сгибах, со сломанной красной печатью северного двора. Начал перечитывать, но на середине сложил и убрал обратно.

* * *

Финн явился с рассветом. Лоркан так и не ложился и сидел над бумагами, когда стражник доложил о принце. Ответить король не успел: сын уже вошёл.

---

[10] Перевал у Дромора — единственный удобный путь между Эвраном и Борейном.

Финн тоже не спал, под глазами у него залегли тени, но лицо сияло. Глядя на него, Лоркан вдруг вспомнил себя в том же возрасте, на пороге другого кабинета, с таким же лицом. Его отец в тот день прекрасно знал, с чем он пришёл.

— Отец. — Финн стоял очень прямо, новый перстень блестел у него на пальце. — Я хотел поговорить с вами как… теперь, когда я… — Он запнулся, рассердился сам на себя и начал заново. — Я хочу поговорить с вами о своём будущем.

О чём пойдёт речь, Лоркан знал. Со вчерашнего вечера это знал весь двор. Король отложил перо.

— Сын…

Дверь снова распахнулась. На пороге стоял гонец, по пояс в грязи, с серым от усталости лицом, а за его спиной растерянный стражник, который не успел его задержать.

— Ваше величество. Из Инвермары[11]. — Гонец рухнул на одно колено, не то из почтения, не то оттого, что не держали ноги. — В Килбреке… в деревне под Инвермарой… Мор, ваше величество. Люди сгорают за два дня и чернеют. Стража закрыла дороги, но… стража тоже болеет.

Потрескивал фитиль.

Лоркан медленно поднялся из-за стола. После бессонной ночи в глазах на миг потемнело, и он переждал, опершись ладонью о стол.

— Собрать совет. Немедленно. Лорда Ардриха — в первую очередь. — Он обернулся к сыну и на миг ощутил облегчение — и тут же устыдился. — Поговорим позже. — И стражнику, уже другим голосом: — Принц Финниан идёт со мной.

Разочарование на лице Финна продержалось недолго. Сын расправил плечи: его впервые звали за стол совета.

— Да, отец, — сказал Финн и первым шагнул к двери.

[11] Инвермара — портовый город на восточном побережье Эврана.

Глава 4. Место за столом

Чёрная лихорадка есть мор, что приходит с моря и дорог не разбирает. Лекари нотарские пишут, что травы и отвары ей лишь помеха, страшится же она одного огня.

Жечь же или не жечь, решают не лекари, но государи, и с них потом за тот дым и спрашивают — люди ли, боги ли.

Брат Мэлахи из Брумы. «Летопись земель восточных»

Финниан

Всю жизнь Финн сидел на советах у стены.

Там стояла узкая скамья для учеников — для принцев до совершеннолетия и сыновей лордов, которых брали послушать. Со скамьи были видны только затылки и плечи. Если Финн о чём-то спрашивал, ему отвечали вежливо и коротко, как ребёнку за обедом. Если предлагал, кивали и продолжали с того же места.

Сегодня слуга отодвинул для него стул у самого стола, слева от отца и напротив Кайрана. Стул был такой же, как у всех: тёмный дуб, высокая спинка, вытертые подлокотники. Финн сел и положил руки на стол. Его аметист оказался прямо напротив аметиста брата.

За столом собрались все, кого успели поднять после бала. Герцог Даргел, мрачный и помятый. Старый Шеннах, закутанный в свой бархат по самые уши. Казначей, капитан столичной стражи и старший королевский лекарь, сухой старик с синими от чернил пальцами. По правую руку от короля сидел Энгус Ардрих, свежий и гладко выбритый, будто никакого бала не было.

Гонец повторил доклад, на этот раз подробнее. Болезнь пришла в Килбрек с моря — с рыбаками или с чужим кораблём, который неделю назад выбросило на мель. Сначала жар, потом тёмные пятна на шее и под мышками, а на второй-третий день смерть. В деревне жило около трёхсот душ. Сколько из них больны, никто точно не знал: те, кто заходил в деревню переписать больных, через день-два слегли сами. До Инвермары было полдня пешком, а в Инвермаре — двенадцать тысяч человек и порт, откуда корабли ходят вдоль всего побережья.

Когда гонец закончил, казначей тихо забарабанил пальцами по столу. Прикидывает пошлины, с отвращением подумал Финн. Люди чернеют и умирают, а он думает, во что обойдётся закрытый порт.

Первым, как и следовало ожидать, заговорил Энгус.

— Мастер Кейн. — Он повернулся к старому лекарю. — Вы знаете эту болезнь?

— По описанию — чёрная лихорадка, милорд. Или её близкая родственница. Лет сорок назад она прошла по южному побережью Нотара. Из трёх заболевших умирали двое, а то и все трое.

— И как её остановили?

— Огнём, милорд.

Другого ответа Энгус, видно, и не ждал: он сразу обернулся к королю.

— Ваше величество, дороги уже закрыты, но стража болеет, а значит, через неделю стеречь их будет некому. Килбрек должен сгореть. Весь, со всем, что в нём есть. И со всеми, кто в нём есть.

Он произнёс это так, будто зачитывал опись амбара. Финн убрал руки со стола.

— Триста человек, — сказал он. Голос прозвучал непривычно громко, и все повернулись к нему: за столом совета его ещё ни разу не слышали. — Вы говорите о трёхстах людях, лорд Ардрих.

— О сотне, ваше высочество, — спокойно поправил Энгус. — Двести умрут сами. А я говорю о двенадцати тысячах в Инвермаре. Обо всех, кто живёт вдоль побережья. И о Дун-Ардахе, куда каждую неделю возят рыбу из Инвермары.

Финн повернулся к брату. Кайран сидел, уставившись в стол, и держался за край столешницы, будто тот мог уехать.

— Кайран, — сказал Финн. — Скажи им.

Брат поднял глаза. На миг Финну почудилось в них что-то тяжёлое, почти просящее. Потом оно исчезло.

— Лорд Ардрих прав, — сказал Кайран. — Мне это ненавистно, Финн. Но он прав. Если болезнь уйдёт в порт, мы её уже не остановим. Ни огнём, ни чем другим.

Кайран всегда соглашался с дядей.

Финн встал. Он не собирался вставать, просто усидеть больше не мог.

— В Килбреке есть дети, — сказал он. — Есть люди, которые не больны и, может, вовсе не заболеют. Люди, которые ещё месяц назад пили за здоровье короля и ни в чём не виноваты. И вы предлагаете запереть их и сжечь заживо?

— Не заживо, — сказал Энгус. — Стража сделает это быстро.

Финн сглотнул кислую слюну.

— Мастер Кейн. — Он повернулся к лекарю, не давая себе времени подумать. — Вы сказали, из трёх больных умирают двое. Значит, один выживает. Значит, его можно вылечить.

Старик покосился на Энгуса, потом на короля.

— Выживает тот, у кого крепкое тело, ваше высочество. И кому повезло. Хорошая еда, чистая вода, отвары против жара… Нотарские книги их бранят, но я видел своими глазами: так выживают чаще. Если закрыть деревню плотно, больных держать отдельно, мёртвых жечь сразу… — Он замялся. — Тогда болезнь, возможно, выгорит сама. Возможно.

— Вот! — Финн хлопнул ладонью по столу. — Карантин. Еда, лекарства, лекари. Королевство уж как-нибудь прокормит триста человек, раз вчера поило вином всю столицу!

Поминать вино было глупо, он понял это сразу. Но казначей перестал барабанить пальцами, а герцог Даргел вдруг хмыкнул — без злобы, с интересом.

— А молодой принц прав, — громко сказал Даргел. — Начнём жечь свои же деревни — чем мы тогда лучше разбойников? Дом Даргел даст для карантина сто стражников и зерно.

Финн едва не потерял нить. Даргел, после вчерашнего! Выходит, и в этом совете есть люди с сердцем.

Энгус даже не взглянул на герцога.

— Сто стражников, — повторил он. — И лекари. Мастер Кейн, сколько в Эвране лекарей, которые знают своё дело?

— …Сорок. Может, пятьдесят, милорд.

— Сорок на всё королевство. — Теперь Энгус смотрел прямо на Финна. — Сколько из них вы готовы отправить в Килбрек, ваше высочество? И сколько вернётся?

— Столько, сколько понадобится. Лекари дают клятву лечить, а не отсиживаться за стенами. — Финн выпрямился. — И я поеду с ними сам. Пусть в Килбреке видят, что корона не бросает их умирать.

— Нет, — сказали Энгус и Кайран разом.

Финна обожгло: даже в этом они заодно.

— Довольно.

Отец не повысил голоса, но замолчали все. Лоркан сидел, сплетя пальцы, и смотрел куда-то в середину стола, где ничего не было.

— Дороги вокруг Килбрека остаются закрытыми, — сказал он. — Никто не входит и не выходит. Порт Инвермары закрыть для всех кораблей до моего слова. Казначей, не смотрите на меня так, я знаю, сколько это стоит. О самой деревне я решу до заката.

Совет задвигал стульями. Финн ещё постоял, надеясь, что отец скажет ему хоть слово, но Лоркан уже склонился к Энгусу и что-то тихо ему говорил.

Сначала Энгус. Всегда сначала Энгус.

За дверью, в колоннаде, ждал Тиб. Он сидел на балюстраде, болтал ногой и грыз яблоко, но, увидев лицо Финна, сразу спрыгнул и швырнул огрызок в сад.

— Ну? Меня не пустили, я всего лишь скромный сын скромного барона. Что там?

— Они хотят сжечь деревню. — Слова горчили на языке. — Вместе с людьми, Тиб. Здоровых вместе с больными. Детей. Энгус предложил, а Кайран… Кайран сказал, что он прав. Один Даргел встал на мою сторону.

— Даргел? — Тиб присвистнул. — После вчерашнего? Щедрый человек. А его дочка, говорят, с самого утра рассказывает дамам, что графской дочке всё достаётся за личико. Эйтне Даргел, если ты вчера не разглядел, мимо кого прошёл.

Финн поморщился. Тиб перестал ухмыляться и спросил уже серьёзно:

— А ты что?

— Я не позволю.

Тиб улыбнулся, на этот раз без всякой насмешки.

— Тогда не позволяй, — сказал он. — Похоже, из всего совета о людях думал ты один. Иди к отцу и скажи ему это. А если поедешь в Килбрек, — он пожал плечами, — я поеду с тобой. Кто-то же должен следить, чтобы ты не раздал всю казну на первой же улице.

Финн рассмеялся впервые за утро, и тяжесть в груди отпустила. Об Айслин он вспомнил только теперь.

Глава 5. Платок с незабудками

О сэре Бране в Эвране поют больше, нежели пишут. Летописцу ведомо лишь, что был он пастушьего роду и что стоял на тропе, когда иные бежали.

Про дракона же пусть спрашивают у нянек.

Брат Мэлахи из Брумы. «Летопись земель восточных»

Энгус

Энгус знал, чем закончится этот разговор, ещё до того, как начал его. За сорок лет рядом с Лорканом он научился узнавать решения короля по тому, как тот держит плечи. Сейчас плечи были опущены. Так стоят люди, которые уже сдались и теперь собираются это объяснить.

И всё же он попробовал.

— Он не знает, что такое чёрная лихорадка, Лоркан. Он её никогда не видел. А я видел — в девять лет, когда меня отпустили домой на лето, а она пришла в поместье моего отца с юга по торговому тракту. Отец тогда медлил три дня. Жалел людей. За три дня она ушла из одной деревни в четыре.

При дворе он об этом не рассказывал никогда: ни про четыре деревни, ни про то, как отец потом всё равно их сжёг и дым неделю стоял над лесом. Отец сделал так, чтобы об этом не узнали даже в столице. Знал один Лоркан.

— Я помню, — тихо сказал король.

— Тогда зачем?

Лоркан потёр лицо ладонями. За окном солнце уже клонилось к крышам.

— Потому что если я запрещу, он ничему не научится. Решит, что отец и ты — бессердечные старики, которые жгут детей, и будет думать так всю жизнь. Нельзя научить человека цене решения, не дав ему решить. Ты сам мне это говорил, когда учил Кайрана.

Энгус и правда это говорил. Только Кайран учился на просчётах в налогах и неудачных переговорах, и никто из-за них не умирал.

— Цену его решения заплатит не он, — сказал он. — Заплатят лекари. Стража. И те, кто живёт рядом с Килбреком.

— Знаю. — Лоркан поднял на него усталые фиолетовые глаза. — И пусть он это тоже увидит.

Спорить дальше было бессмысленно. Энгус сделал то, что делал всегда, когда проигрывал королю: стал торговаться за условия.

— Тогда два условия. Первое: Финн не переступает линию карантина. Ни разу. Командует из Инвермары, и рядом с ним всегда мои люди.

— Согласен. И второе?

— Второе тебе не понравится. В лесу за Килбреком встанет мой отряд, со смолой и факелами. Финн о нём знать не будет. Если болезнь перейдёт линию, я не стану спрашивать ни его, ни тебя.

Лоркан молчал так долго, что Энгус успел пересчитать про себя смолу, факелы и людей. Потом король опустил голову, один раз.

Выйдя от короля, Энгус нашёл капитана своей стражи и отдал приказ сам, без письма. Такие приказы он бумаге не доверял: бумагу можно потерять, а можно и прочесть. Даже в свою книгу он этот приказ не занёс: книгу рано или поздно откроет тот, кто сядет в совете после него.

Потом он стоял у окна в пустой галерее, не прислоняясь к раме, пока над Дун-Ардахом не село солнце. Мальчиком он тоже думал, что можно было иначе. Другого способа он так и не нашёл.

* * *

Финниан

Решение короля объявили на закате, и к ночи его знал весь дворец. Карантин. Еда, лекарства и лекари для Килбрека, и младший принц во главе всего этого. Командовать он должен был из Инвермары, а переступать линию карантина ему запрещалось. Об этом условии Финн узнал вместе со всеми и сразу понял, чьё оно. Но даже это не могло испортить ему настроения. Он победил, и в первый же раз, как сел за стол совета.

Айслин ждала его в нижнем саду, у фонтана с каменными лебедями, где они с детства встречались тайком. За её спиной, в темноте под каштанами, дремала старая кормилица Гленморов: приличия соблюдались, хотя и не слишком усердно.

Увидев его, Айслин вскочила со скамьи и, забыв обо всём, схватила его за руки.

— Я всё слышала! Весь дворец только об этом и говорит. Что лорд Ардрих хотел сжечь бедную деревню, а вы… вы один встали и сказали им всем «нет». — Её зелёные глаза сияли. — Как сэр Бран из баллады, который встал перед драконом, чтобы защитить пастухов. Мне её матушка пела в детстве. Я всегда думала, что таких людей не бывает. А они есть.

Финн опустил глаза. Ни отец, ни брат не сказали ему, что он поступил правильно. Они лишь уступили ему, как уступают упрямому ребёнку. А она поняла.

— Я не сэр Бран, — смущённо сказал он. — И в Килбреке нет дракона. Там просто люди, которым нужна помощь. Поэтому я и еду туда сам.

Смысл дошёл до неё лишь через миг. Финн видел, как гаснет сияние в её глазах и как вместо него поднимается вода.

— Сам? — прошептала она. — Туда? Где люди чернеют?

— Не в саму деревню. Я буду в Инвермаре, там совсем…

Но она уже плакала — тихо, по-детски, не пряча лица, и слёзы падали на их сцепленные руки. На совете Финн и то так не терялся.

— Айслин…

— В балладе сэр Бран погиб, — всхлипнула она. — Я забыла, я всегда засыпала раньше, чем матушка допевала… А потом она рассказала, что он погиб, и я плакала целый день. Я не хочу, чтобы вы… чтобы вы были как сэр Бран. Я хочу, чтобы вы вернулись.

Он сам не понял, как притянул её к себе. Кормилица под каштанами перестала существовать. Айслин была лёгкая, и ему стало страшно, что она сломается от одного неосторожного слова.

— Я вернусь, — сказал он ей в волосы. — Обещаю. И когда вернусь, пойду к отцу и наконец скажу ему то, что хотел сказать сегодня утром.

Она отстранилась, всё ещё всхлипывая, и долго искала что-то в рукаве. Потом протянула ему крошечный платок из белого шёлка, вышитый по краю незабудками. От него пахло лавандой.

— Возьмите. Кормилица говорит, что болезни ходят с дурным воздухом. Если дышать через лаванду, он не пристанет. Я сама его вышивала. — Она шмыгнула носом. — Леди Эйтне утром сказала при всех дамах, что мои незабудки похожи на синяки. Но вы ведь не станете смеяться? Обещайте, что будете держать его при себе. Всегда.

Финн взял платок. Он был тёплый от её руки и немного влажный от слёз. На одной из незабудок стежок ушёл вбок. Финн провёл по нему пальцем и решил, что красивее незабудок не видел.

— Всегда, — пообещал он и спрятал платок за пазуху.

Глава 6. Котлы и мука

Когда в Инвермаре затворили порт, хлеб по всему побережью вздорожал вдвое, а соль подешевела: везти её стало некуда, и солеварни встали.

Лекарей, что поехали тогда к морю, никто поимённо не записал. Я бы записал, да списка не сыскал.

Брат Мэлахи из Брумы. «Летопись земель восточных»

Финниан

Из сорока лекарей королевства в Килбрек согласились ехать двенадцать.

Финн узнал это на рассвете третьего дня, когда обоз уже выстраивался во внутреннем дворе: мастер Кейн, пряча глаза, подал ему короткий список. Тиб, уже в седле, заглянул через плечо. Двенадцать имён. Остальные ссылались кто на больные колени, кто на рожениц, которых нельзя оставить, кто на долг перед своим городом. Один написал прямо: «У меня трое детей, ваше высочество». Финн дважды перечитал эту строчку и так и не смог на неё рассердиться.

— Двенадцать, — сказал он, возвращая список. — Сэр Бран стоял на тропе один. Нам, выходит, повезло больше.

Мастер Кейн странно покосился на него, но промолчал.

Обоз растянулся по тракту почти на милю: сорок телег с зерном Даргела, двадцать с солониной, бочки уксуса, тюки полотна, связки сушёных трав, от которых над колонной висел горький аптечный дух. Охраняли его сотня стражников Даргела в алых плащах и ещё два десятка всадников в сером — люди Ардрихов, которых Энгус «одолжил принцу для охраны». Командовал ими капитан Орран, седой и кряжистый, с лицом как старый пень. За три дня пути он не сказал Финну и двадцати слов, но, куда бы принц ни поворачивал коня, Орран неизменно оказывался в десяти шагах позади.

— Он и в нужник за тобой пойдёт? — вполголоса спросил Тиб на второй вечер.

— Спроси его сам.

— Спрашивал. Он сказал: «Если будет приказ». — Тиб состроил серьёзное лицо. — По-моему, это значит «да».

Финн расхохотался. Орран обернулся.

* * *

Инвермара встретила их тишиной.

Финн бывал здесь в детстве, с отцом, и помнил порт оглушительным: орали грузчики, скрипели канаты, кричали чайки, торговки рыбой бранились, и няня закрывала ему уши. Теперь корабли стояли у причалов со спущенными парусами. На пристани сидели матросы, которым некуда было плыть, и молча смотрели, как въезжает обоз. «Да здравствует принц» никто не кричал: здесь теперь вообще не кричали.

— Порт закрыт пятый день, — сказал Тиб, когда они проезжали мимо. — С тех пор здесь никто ничего не продал и не купил. Злиться на нас им некогда, Финн. Они прикидывают, надолго ли хватит того, что в погребе.

Штаб устроили в таможенном доме у старого причала: там были толстые стены, большой стол и окна на море. К вечеру первого дня стол исчез под бумагами — списки зерна, списки лекарей, карта окрестностей, на которой Орран углём обвёл Килбрек и протянул вокруг него линию: от скал на севере, через холм, по ручью и снова к морю.

— Эта линия, ваше высочество, — сказал он, постучав по карте толстым пальцем, — то, что вы не переступаете. По приказу его величества.

— Я знаю приказ, капитан.

— Я тоже, — сказал Орран и вышел.

* * *

На линию Финн поехал на следующее утро.

Она шла по гребню невысокого холма: свежие колья, натянутые между ними верёвки, костры через каждые сто шагов и стражники Даргела, закутанные в плащи по самые глаза. Внизу, в половине мили, лежал Килбрек: три десятка низких домов, лодки, вытащенные на гальку, сети на шестах. Обычная рыбацкая деревня.

С края деревни, у самой воды, поднимался ровный серый столб дыма. Что там горит, Финн понял только со второго взгляда и тут же отвёл глаза.

— Мёртвых жгут сразу, — тихо сказал Тиб. — Как велел мастер Кейн. Значит, ещё есть кому жечь.

У подножия холма, прямо за верёвками, стояли люди. Человек двадцать: мужчины, женщины, двое подростков. Держались они поодаль друг от друга, видно, научили, и смотрели вверх, на принца в синем плаще. Ждали.

Финн спешился и подошёл к самой верёвке. Орран за спиной шумно вздохнул.

— Я Финниан из дома Эвран, — сказал Финн. Голос сорвался, и он повторил громче: — Я Финниан, сын короля. Король вас не оставит. Сегодня к линии привезут хлеб, солонину и полотно, завтра — лекарей. Еду будут давать каждый день, пока болезнь не уйдёт. Я обещаю.

Они молчали. Потом пожилая женщина в мужской куртке хрипло спросила:

— А сжигать нас не будут?

Значит, слух дошёл и сюда. Финн сглотнул.

— Нет, — сказал он. — Пока я здесь — нет.

Женщина ещё постояла, будто проверяя, не передумает ли он. Потом неловко поклонилась в пояс, и за ней один за другим поклонились остальные.

До самой Инвермары Финн не проронил ни слова. Тиб, против обыкновения, тоже молчал.

* * *

Всё, что Финн знал о том, как кормят людей, он знал из книг.

В книгах хлеб был просто хлебом: привезли, раздали, и люди сыты. На второй день выяснилось, что зерно нужно смолоть, а мельница Килбрека стоит за деревней и мельник умер одним из первых. Что половину зерна сгрузили на сырую землю у линии и к утру оно начало преть. Что солонину, если не вымочить, нельзя давать больным с жаром. Что лекари просят прежде всего чистого полотна и котлов для кипятка, а котлов в обозе нет вовсе.

На третий день Финн сидел за таможенным столом, обхватив голову руками, и не знал, за какую бумагу взяться.

Тиб исчез с утра и вернулся к полудню, пропахший рыбой и смолой, а с ним пришли двое портовых бондарей, кузнец и толстая вдова, державшая пекарню у рыбного ряда.

— Котлы будут к вечеру, — сказал Тиб, бросая на стол исписанный листок. — Кузнец снимет их с солеварни, она всё равно стоит. Мука тоже будет: у вдовы Морны в пекарне два жернова, а сидеть ей без дела ещё хуже, чем нам. Платим серебром, не векселями — векселям тут после закрытия порта никто не верит. Бондари дают бочки под воду. Зерно из-под дождя я велел перенести в пустой склад сельдяной гильдии, ключ у этого вот господина, — он ткнул пальцем в бондаря, — и за ключ он хочет три монеты, но согласится на две.

Бондарь открыл рот, глянул на Тиба и закрыл его.

Финн смотрел на листок: столбики цифр, цены за мешок ржи, за котёл, за день работы пекаря. Он и не знал, что рожь так дорога.

— Откуда ты всё это знаешь? — спросил он, когда торговцы ушли.

Тиб пожал плечами и сел на край стола.

— В доме Гарвахов считали каждую монету. Думаешь, барон Мёрдок жил, как твой отец? — Он усмехнулся. — Когда за обедом есть лишний кусок хлеба, не знаешь, сколько он стоит. А когда нет — быстро узнаёшь.

Финн хмыкнул и снова взялся за листок.

К вечеру котлы стояли у линии.

* * *

Дни в Инвермаре слиплись в один.

Утром — линия, костры, лица за верёвками; днём — бумаги: сколько привезли, сколько раздали, сколько лекарей ещё на ногах. По вечерам из деревни приносили список. По ту сторону его писал на дощечке старший лекарь, стражник у линии переписывал на бумагу, не прикасаясь к дощечке, и дощечку бросали в костёр. Столбцов было три: больные, выздоравливающие, умершие. Финн всегда начинал с третьего.

На пятый день в третьем столбце было одиннадцать имён. На шестой — девять. На седьмой — семь.

В тот же вечер, переворачивая лист, он заметил внизу ещё две строки, отдельно от столбцов: «Лекарь Ойсин из Брумы, на четвёртый день болезни». И чуть ниже: «Возчик из Инвермары, что остался при котлах. Имени не знаем».

Финн помнил Ойсина: молодой, рыжий, весь в веснушках, он ехал на последней телеге и всю дорогу играл на дудке, пока Орран не попросил его перестать. Он подержал лист в руках. Потом сказал себе, что Ойсин знал, на что идёт; что лекари дают клятву; что он сам говорил это на совете. И что, если бы деревню сожгли, в третьем столбце стояло бы триста имён.

Он отложил лист и взял следующий. Там считали солонину.

С восьмого дня Финн перестал возвращаться на ночь в Инвермару: дорога туда и обратно съедала полдня. Вместе с Тибом он перебрался в пастушью сторожку на соседнем холме, откуда была видна вся линия, и бумаги теперь возили к нему в седельных сумках. Орран со своими серыми встал лагерем тут же, под окнами.

* * *

На девятую ночь его разбудил крик.

Кричали за линией, у подножия холма, почти неразличимо, но ветер дул оттуда, и Финн, толком не спавший с самой столицы, оказался у окна раньше, чем понял, что проснулся. Кричал ребёнок — одно слово, снова и снова.

Финн оделся в темноте и выскочил за дверь, но у коновязи на его руку, сжимавшую поводья, легла другая — широкая, тяжёлая, в грубой кожаной перчатке.

— Нет, ваше высочество, — сказал Орран.

— Там ребёнок.

— Там сотня детей. И у каждого кто-то умирает. — Орран не повышал голоса и руку не убирал. — Его величество сказал: принц не переступает линию.

— Я не собираюсь её переступать! Я хочу только…

— Ночью, на холме, без огня? — Орран покачал головой. — Вы не увидите, где кончается верёвка. Утром — сколько угодно.

Финн рванул поводья. Рука Оррана не шелохнулась.

— Финн.

Тиб стоял на пороге сторожки, босой, в одной рубахе. Он спустился и встал рядом, тоже глядя на холм, где мигали костры.

— Он прав, — тихо сказал Тиб, и Финн от неожиданности даже забыл разозлиться. — Я тоже его не люблю, честное слово. Но ты им нужен живым. Перейдёшь верёвку — станешь ещё одним больным. А здесь ты тот, кто привозит хлеб, и, пока ты здесь, они знают, что их не сожгут. Ты сам им это обещал.

Крик на холме оборвался. Может, ребёнка увели. Может, он устал кричать.

Финн отпустил поводья.

До рассвета Финн и Тиб просидели на пороге. Орран так и не ушёл: стоял у стены, скрестив руки. Финн смотрел на костры линии, а дальше, за Килбреком, в чёрном лесу на склоне, тоже мигали огни, мелкие и частые, не похожие на сторожевые.

— Что там? — спросил он, показав на лес.

Орран проследил за его взглядом.

— Угольщики, ваше высочество. Жгут уголь для солеварни.

— Солеварня же стоит.

— Угольщикам об этом не сказали.

Потом Финн достал из-за пазухи платок Айслин — мятый, пахнущий уже не столько лавандой, сколько дымом и потом, — и сжал его в кулаке. Незабудка со сбитым стежком приходилась как раз под большой палец.

* * *

На десятый вечер в третьем столбце было четыре имени.

На одиннадцатый — два.

На двенадцатый Финн перевернул лист в поисках приписки об умерших и не нашёл. Третий столбец был пуст. Он перечитал лист трижды, встал и молча протянул его Тибу.

Тиб прочёл. Поднял глаза.

— Ну вот, — сказал он и улыбнулся. — Сэр Бран вернётся домой живым. Надо же кому-то испортить балладу.

Глава 7. Двести двадцать пять

Прозвища государям дают на площадях, а записывают их уже летописцы. Народ щедр на прозвища и скуп на память, летописец — наоборот.

Сказывают, в тот год у торговок цветами в Дун-Ардахе к зиме не осталось ни одной астры.

Брат Мэлахи из Брумы. «Летопись земель восточных»

Финниан

Верёвки сняли на двадцать второй день.

Решение принял старший лекарь по ту сторону линии — сухонький старик из Дун-Ардаха, чьё имя Финн до карантина знал только по бумаге мастера Кейна, а теперь видел внизу каждого вечернего списка. Десять дней без новых больных. Так писали в старых лечебниках, и спорить с книгами не стал никто, даже капитан Орран.

Итог старик принёс сам, на листе, который уже не нужно было переписывать и жечь. Двести девяносто семь душ в Килбреке на начало мора. Семьдесят два умерли. Двести двадцать пять живы.

— Три четверти, — сказал Финн. Он уже десяток раз посчитал это в уме, но хотел услышать вслух. — Три четверти живы.

— Да, ваше высочество.

— А мастер Кейн говорил — двое из трёх умрут.

Старик помедлил. В глазах у него была та же усталость, что и у всех, кто возвращался из-за линии, и ещё что-то, чего Финн не сумел назвать.

— Двое из трёх заболевших, ваше высочество. А заболел далеко не каждый. — Он поклонился, как кланяются очень старые люди, давно переставшие бояться принцев. — Вы привезли им хлеб и котлы под кипяток. Это спасло многих. И ещё им повезло.

Финн промолчал. На холме уже выдёргивали колья.

* * *

Он въехал в Килбрек в полдень, и деревня вышла его встречать целиком.

Их было меньше, чем он думал. Двести двадцать пять звучало как толпа, а на деле оказалось горсткой худых людей на единственной улице. Дети прятались за матерей, мужчины мяли в руках шапки. У многих на шее ещё не сошли пятна — побледневшие, как следы пальцев на стекле.

Пожилая женщина в мужской куртке вышла вперёд. Финн узнал её: это она в первое утро спрашивала, не будут ли их жечь. В руках у неё был свёрток.

— Первая рыба после мора, — сказала она и протянула свёрток. — Мой внук поймал. У нас так заведено: первую отдают тому, кто спас лодку.

Финн взял рыбу обеими руками. Она была маленькая, серебристая, ещё мокрая и пахла морем.

За его спиной Тиб кашлянул и сказал с преувеличенной торжественностью:

— Ваше высочество, если вы её съедите, это будет политической ошибкой.

Женщина замерла, потом фыркнула. За её спиной кто-то засмеялся, за ним другой — хрипло, неумело, как смеются люди, которые давно этого не делали. Финн стоял посреди улицы, прижимая к груди мокрую рыбу, и никак не мог перестать улыбаться.

* * *

Обратно ехали четыре дня вместо трёх. Телеги опустели, лекарей осталось одиннадцать, но в каждой деревне на пути их останавливали: весть бежала впереди. Мор в Килбреке кончился, и младший принц не дал сжечь деревню. На третий день в каком-то трактире его встре-

тили песней. Песня была скверная, рифма хромала на обе ноги, и Тиб распевал её до самого вечера, пока Финн не пригрозил столкнуть его в канаву.

В Дун-Ардах они въехали через Морские ворота, и город обрушился на них.

К этому Финн готов не был. В день совершеннолетия он тоже ехал сквозь толпу и думал, что кричат ему. Только сегодня он понял, что тогда кричали принцу в синем плаще: любому Эврану на его месте кричали бы так же. Из окон сыпались цветы, небогатые, поздние, собранные с огородов. Какой-то мальчишка бежал рядом с его конём, пока хватало дыхания, и орал что-то восторженное и неразборчивое. На площади у храма кто-то начал, а остальные подхватили:

— Финн Милосердный!

Он чуть не обернулся, ища, кого зовут.

— Не вздумай покраснеть, — вполголоса сказал Тиб, не переставая улыбаться толпе. — Милосердные не краснеют. Они скромно кивают. Вот так.

Финн, разумеется, покраснел.

У фонтана на Рыбной площади толпа сгустилась, и кони пошли шагом. Финн слышал обрывки чужих разговоров: кто-то спорил, правда ли, что принц сам ходил среди больных; кто-то клялся, что видел это своими глазами. И один обрывок, тихий, женский, совсем рядом с его стременем:

— …а в Лохане трое ребятишек так и не вернулись. Пошли в лес за Килбрек, за хворостом, и ни слуху —

— Тише ты, дура, нашла время…

Финн обернулся. Две женщины в бурых чепцах уже тонули в толпе, и та, что постарше, тянула молодую за рукав. В тот же миг с балкона над площадью ему на колени упал венок из дикой рябины, толпа взревела, и, когда Финн снова обернулся, бурых чепцов уже не было.

В лес у Килбрека, в самый мор? — подумал он смутно. Но тут Тиб придержал его коня, потому что тот чуть не наступил на ребёнка с цветами, и думать стало некогда.

* * *

Во внутреннем дворе дворца его ждали.

Не все. Отец, как сказал старший лакей, с утра сидел с гонцами с севера и просил передать, что примет сына вечером. Мать вышла на лестницу, поцеловала его в лоб и тут же отстранилась, сморщив нос: от него всё ещё пахло рыбой и дымом. Герцог Даргел тряс ему руку долго и с чувством, будто пересчитывал вернувшихся.

— Сто из ста! — громко объявил он всему двору. — Все сто вернулись! А мне тут говорили, что я посылаю их на смерть. Запомните этот день, господа. В Эвране есть принц, у которого сердце не из камня!

Эйтне Даргел стояла за плечом отца, снова в алом, рыжая, как он. Когда герцог наконец выпустил руку принца, она присела в безупречном реверансе.

— Дом Даргел гордится, что его люди стояли рядом с вашим высочеством, — сказала она, и только уголок рта едва заметно дрогнул. — Говорят, вас уже сравнивают с сэром Браном. Он ведь тоже начинал оруженосцем у Даргелов. Наши привыкли стоять на тропе.

Финн вспомнил незабудки, похожие на синяки, и поблагодарил её так вежливо, как смог. Больше он ничего не добавил.

Кому были сказаны слова герцога про каменное сердце, Финн понял, только когда увидел Энгуса. Тот стоял в тени галереи, дослушал Даргела до конца, не дрогнув лицом, потом спустился на два шага и слегка наклонил голову.

— Поздравляю, ваше высочество, — сказал он. — Вам повезло.

И ушёл прежде, чем Финн нашёлся с ответом.

Повезло. Теперь это слово задело. Двадцать два дня: списки, котлы, преющее зерно, детский крик за линией, двести двадцать пять живых. Всё это, выходит, везение.

— Он просто не умеет проигрывать, — сказал Тиб, так чтобы слышал один Финн. — Не дари ему свой день.

Кайран подошёл последним, когда двор уже почти опустел. Смотрел он внимательно и как-то несчастно — наверное, оттого, что на совете встал не на ту сторону.

— Я рад, что ты вернулся, — сказал он. — Правда рад. — Он замялся. — Скажи… а соседние деревни? Ты посылал туда кого-нибудь? Лохан, Баллах?

Финн моргнул.

— Зачем? Болезнь не вышла за линию.

— Я знаю. Я просто… — Кайран осёкся и оглянулся туда, куда ушёл Энгус. — Неважно. Ты справился, Финн. Мы были неправы, а ты справился. Этого у тебя никто не отнимет.

Он сжал плечо брата — неловко, по-старшему, как делал когда-то, когда Финн доставал ему до пояса, — и ушёл.

«Никто не отнимет», — повторил про себя Финн. Как будто кто-то собирался отнимать. Про деревни брат спросил неспроста: искал, что ещё можно поставить в упрёк.

* * *

Айслин не было ни на площади, ни во дворе, и к вечеру Финн уже почти убедил себя, что её увезли в Гленмор или что она забыла.

Она ждала у фонтана с каменными лебедями. Кормилица на этот раз даже не делала вид, что дремлет: просто встала и ушла за каштаны, совсем.

— Я не пошла на площадь, — сказала Айслин вместо приветствия. — Там был весь город, а я хотела… чтобы только я.

Она была в тёмно-синем платье, цвета его плаща, и в волосах у неё были незабудки — настоящие, не вышитые; где она только нашла их в такую позднюю пору. Всю дорогу Финн придумывал, что скажет, а теперь все слова оказались не те.

Поэтому он просто достал из-за пазухи платок и протянул ей.

Платок посерел, одна незабудка стёрлась в нитки. Лавандой от него уже не пахло.

— Я держал его при себе, — сказал он. — Всегда. И дурной воздух не пристал. Вы были правы.

Айслин перевела взгляд с платка на него, и глаза у неё были такие, какие бывают у людей в храме.

— Нет, — сказала она тихо. — Я была неправа. Я думала, что сэр Бран должен погибнуть, раз так поётся в балладе. А вы вернулись. — Она вспыхнула. — Весь город вас дождался. И я.

Она взяла платок, вложила его обратно Финну в ладонь и сжала его пальцы.

— Оставьте его себе. На следующий раз.

— На следующий раз я никуда не собираюсь, — сказал Финн. И вдруг слова, которые он искал всю дорогу, нашлись сами, простые и некрасивые. — Айслин. Я обещал, что, когда вернусь, пойду к отцу. Отец ждёт меня сегодня. Я пойду прямо сейчас.

Она прижала ладони к щекам, как девочка, и закивала часто-часто. Одна незабудка выскользнула у неё из волос.

Финн поднял цветок и тоже спрятал за пазуху, рядом с платком.

* * *

Коридор к кабинету отца был длинным. Финн ходил по нему тысячу раз, но сегодня считал факелы на стенах. Восемь. Раньше он их никогда не считал.

Он вспомнил утро после совершеннолетия. Тогда он тоже шёл сюда с этими словами и не успел их сказать: пришёл гонец из Инвермары. Тогда он был просто младший сын, которому накануне надели на палец взрослый перстень. Сегодня его имя кричал весь город.

У двери кабинета стоял стражник. Из-за двери доносился голос отца — тихий, усталый — и чей-то ещё, незнакомый, с грубым северным выговором. Финн отступил к стене. Вскоре

дверь открылась, и мимо прошёл широкоплечий человек в мокрой овчине, даже не взглянув на принца.

Финн выждал ещё немного, положил руку на грудь, туда, где лежали платок и незабудка, вдохнул и постучал.

Глава 8. Несказанное

Дромор стоит у самого перевала, и тамошние маркизы говорят, что у них два государя: один в Дун-Ардахе, другой — снег. Второму они повинуются охотнее, ибо он приходит каждый год.

Брат Мэлахи из Брумы. «Летопись земель восточных»

Лоркан

Гонец из Дромора был третьим за день и первым, который не стал ничего смягчать.

Он был немолод, широк в кости, с руками пастуха и северным выговором, от которого каждое слово звучало как удар топора по полену. Донесение маркиз Дромора прислал не с секретарём, а с сотником пограничной стражи, и Лоркан понял это так, как маркиз и хотел: одной бумаге на севере больше не верят, ей нужен живой свидетель.

— Четыре дня назад, ваше величество. Их было сорок, конных. Прошли Нижним бродом, где никто не ходит с первого снега. Сожгли мельницу на Глассе, угнали овец. Убили двоих наших, одного взяли с собой. Через день его вернули. Живым. Без правой руки.

Сотник сказал это тем же голосом, что и про овец.

— Зачем вернули? — спросил Лоркан, хотя знал ответ.

— Чтобы все видели, ваше величество. Стражнику без правой руки не держать меча. И королю, который не отвечает, — тоже. Так у них говорят. — Он опустил глаза. — Простите, ваше величество. Это не мои слова.

— Я знаю, чьи это слова.

За окном темнело. В городе ещё гуляли в честь младшего принца, и Лоркан слышал с площади обрывки нескладной песни и не мог на неё сердиться. Двести двадцать пять живых. Когда он отпускал сына, сам в это не верил, Энгус — тем более. А мальчик поехал и сделал.

Лоркан отпустил сотника с кошельком и обещанием, которое сам ещё не знал, чем наполнить, и остался один.

Он развернул донесение маркиза и перечитал строчку про руку. Потом отложил лист и некоторое время сидел, прижав ладонь к груди, будто разглаживал складку на камзоле, и дышал неглубоко и ровно. Выдвинул верхний ящик стола — не до конца, на ладонь, чтобы видеть красный край сломанной печати, — и снова задвинул.

В дверь постучали.

Финн вошёл по-другому, чем месяц назад. Тогда он влетел, не дождавшись ответа стражника. Сегодня постучал, дождался «войди» и только потом открыл дверь. С сотником он, видно, разминулся в коридоре: от двери ещё тянуло мокрой овчиной.

Сын похудел и обгорел на морском ветру, лицо стало старше — на волосок, но отец заметил. А глаза горели по-прежнему.

Лоркан поднялся раньше, чем решил, стоит ли. Обошёл стол, взял сына за плечи и подержал так, будто проверял, весь ли он вернулся.

— Я горжусь тобой, — сказал он.

Он давно не говорил этих слов. Кайрану — часто, всегда по делу, после удачных переговоров или верно сведённой казны. Финну — в детстве, за первого пойманного лисёнка или за стихи на праздник Сэйрина. И сейчас, глядя, как сын старается не расплыться в улыбке, Лоркан подумал, что зря жадничал.

— Энгус сказал, что мне повезло, — выпалил Финн с такой детской обидой, что Лоркан едва не рассмеялся.

— Энгус сказал правду, — ответил он. — Тебе повезло. Но везёт тем, кто едет, сын. А ты поехал.

Финн улыбнулся. И Лоркан увидел на его лице то, чего боялся с того самого утра после совершеннолетия: решимость. Мальчик пришёл не за похвалой.

— Отец, — сказал Финн. На этот раз он не запинался. — Я хочу просить вашего разрешения свататься к Айслин Гленмор.

Вот и всё.

Лоркан отпустил его плечи и вернулся за стол: ноги вдруг стали тяжёлыми. Сел. Верхний ящик был теперь у самого его колена.

Гленморы. Старинный графский дом, небогатый, без врагов и без друзей; ни стражи, чтобы послать на север, ни золота, чтобы ей заплатить. Девочка с зелёными глазами, которая на балу смотрела на его сына, как на рыцаря со стенного гобелена. Хорошенькая. Пустая, как чаша для подаяний. Но кого это когда останавливало в восемнадцать лет.

В восемнадцать лет он сам стоял перед своим отцом. И отец сказал ему — едва ли мягче, чем скажет сейчас он сам, — что принцы женятся не на девушках, а на королевствах. Лоркан стиснул зубы и сделал, как велели. Женился на Орле Ардрих, потому что короне нужны были Ардрихи, — и полюбил её сильнее, чем потом кого-либо. Потом поехал в Аурелу за Валерией, потому что короне нужен был Зефран. Из той поездки он помнил холодную узкую ладонь невесты, белые колонны над серым морем, вино, которого было слишком много, — и чьи-то русые волосы в темноте. Лица он давно уже не мог вспомнить. Валерия родила ему сына и привезла в Эвран мир с западом, который держался девятнадцать лет. Сделка была хорошей. Отец был прав.

И всё же Лоркан помнил, как ненавидел его в тот вечер.

— Не сейчас, — сказал он.

Финн вздрогнул. Потом выпрямился.

— Вы говорили «позже» месяц назад. Я не спорил. Я поехал в Инвермару и… — он сдержался, и Лоркан с удивлением и с чем-то вроде гордости понял, что сын не скажет «и спас деревню». — …и вернулся. Когда будет «сейчас», отец?

Хороший вопрос. Лоркан сложил донесение маркиза и протянул его сыну.

— Прочти.

Финн читал долго, шевеля губами на незнакомых северных названиях. На строчке про руку он побледнел.

— Это… — Голос у него стал жёстче. — И что мы сделаем?

«Мы». Не «вы».

— Поговорим с ними, — сказал Лоркан. — В Дроморе, до зимы, пока перевал открыт. В Инвермаре ты научился спасать людей. Теперь научись разговаривать с теми, кто хочет их убивать. Это труднее. Ты поедешь с Энгусом.

На миг на лице Финна проступили сразу два чувства, и Лоркан прочёл оба без труда. Восторг: переговоры, второе настоящее дело, север, на котором он ни разу не был. И досаду: с Энгусом.

— А после Дромора? — спросил Финн.

— После Дромора мы поговорим обо всём, — сказал Лоркан. Это была правда. Ничего гаже он давно не говорил.

Финн поверил — и вдруг, совсем как в детстве, шагнул вперёд и быстро, неловко обнял отца через стол. От него всё ещё пахло дымом. А потом его уже не было, и в коридоре стихали быстрые шаги и чей-то нетерпеливый вопрос — наверное, мальчика Гарвахов, который ждал друга за дверью, как ждал всегда.

Хорошо, что у него есть такой друг, подумал Лоркан. Хоть кто-то будет рядом, когда мальчик узнает.

* * *

Энгус пришёл за полночь, без стука, и сразу понял по лицу короля, что настойки не будет.

— В Дромор едешь ты, — сказал Лоркан. — И берёшь Финна.

Энгус не сел. Взгляд его скользнул по донесению маркиза и остановился на верхнем ящике стола.

— Ты ему сказал?

— Нет.

— Значит, скажу я, — сказал Энгус.

Лоркан молчал. В потрескивании свечи это молчание звучало как согласие.

— Он возненавидит меня, — спокойно сказал Энгус.

— Знаю.

— Не тебя. Меня. Ты этого хочешь.

— Я хочу, — сказал Лоркан, и голос у него вдруг сел, — чтобы у меня остался сын, который придёт ко мне и обнимет через стол. Хотя бы один.

Энгус посмотрел на него так, как смотрел сорок лет назад, когда восьмилетний принц ударил его деревянным мечом по уху, а потом расплакался сам.

— Хорошо. Как всегда.

И ушёл.

Лоркан сидел, пока свеча не оплыла на палец. С портрета над столом Орла смотрела на него серыми глазами своего брата. Улыбка на портрете была вежливая, чужая. Настоящую Лоркан помнил, а художник не застал.

Женятся не на девушках, а на королевствах. Отец был прав. Он всегда был прав, и Лоркан всю жизнь слушался его, и вот теперь сидит один в темноте и не может вспомнить, что именно он за это получил.

Глава 9. Письма под серой печатью

Воск для печатей в Эвране варят трёх цветов: синий идёт на королевские грамоты, красный — на письма из-за границы, серый — на письма дома Ардрих. Прочие дома довольствуются тем воском, какой найдут у свечника.

Брат Мэлахи из Брумы. «Летопись земель восточных»

Финниан

Песок фехтовального двора ещё хранил ночной холод, и, когда Финн упал на него спиной во второй раз за утро, холод пробрался сквозь рубаху до самых лопаток.

— Это не считается, — сказал он небу.

— Считается, — сказало небо голосом Тиба, и над ним появились ухмыляющееся лицо и протянутая рука. — Ты споткнулся о собственную тень. В балладах про сэра Брана такого не бывает.

— Я ещё не проснулся.

— Тогда тем более считается.

Финн ухватился за его руку, и Тиб рывком поднял его на ноги. Потом подобрал с песка тупой клинок друга, отряхнул и протянул рукоятью вперёд, по всем правилам, как подают оружие господину.

Обоз должен был выйти в Дромор сразу после второго колокола, и до него оставалось не больше часа. Финн сам растолкал Тиба на рассвете: спать он всё равно не мог, а впереди было десять дней в седле рядом с Энгусом. Со вчерашнего вечера в нём всё кипело, и это надо было куда-то деть. «После Дромора мы поговорим обо всём». Он повторил себе эти слова сто раз.

Из семи схваток он выиграл пять.

Это было обычно. Тиб дрался правильно — по-другому его фехтование и не назовёшь. Каждая стойка как из учебника, каждый выпад на своём месте, ведущая рука с клинком впереди, вторая за спиной, как велели в первый день учения. Поэтому Финн и читал его, как открытую книгу. Он знал, что после второго укола Тиб всегда уходит вправо. Знал, что друг чуть-чуть запаздывает с защитой слева, как все, у кого не хватает лёгкости в запястье. Знал, что, если надавить, Тиб не станет рисковать, а отступит и будет ждать ошибки, которой Финн не сделает.

Дважды за утро Финн ошибся сам. Не выспался.

У стены, на старой колоде для рубки дров, сидел мастер Конлет, седой и со сломанным носом, учивший обоих с детства, и зевал во весь рот. В этот час он обычно ещё спал, но принц есть принц.

— Ваше высочество снова рвётся вперёд раньше, чем думает, — сообщил он в пространство. — А молодой Гарвах снова думает так долго, что за это время его можно трижды заколоть.

Тиб шутливо поклонился старику.

— Я не думаю, мастер, я любуюсь. Его высочество так красиво рвётся вперёд.

— Вечером налюбуешься. Сотню выпадов.

— Вечером я буду в седле на полпути к Дромору.

— Вот и сделаешь сотню в седле, — не смутился Конлет и снова зевнул.

Финн любил эти утра: скрип песка, запах конюшни из-за стены, тупой звон клинков, ворчание старого мастера. Здесь всё было честно: кто сильнее, тот и выигрывал, и никакой Энгус не мог назвать победу везением.

Седьмую схватку он выиграл быстро. Два ложных выпада, шаг влево — и клинок Тиба ушёл в пустоту, а его собственный упёрся другу в грудь. Тиб скосил глаза на тупое остриё и поднял руки.

— Сдаюсь на милость Финна Милосердного.

— Милости не будет. Ты мне пел про трактир всю дорогу из Инвермары.

— Это была дань уважения народному творчеству.

Конлет махнул на обоих рукой и ушёл досыпать.

Потом, уже у бочки с водой, Финн сказал, не глядя на друга:

— Ты ведь мог бы и выигрывать чаще. Если бы занимался.

Тиб плеснул себе водой в лицо и отфыркался.

— Зачем? У меня всегда перед глазами человек, который дерётся лучше меня. И он, к счастью, на моей стороне. — Он встряхнул мокрой головой. — Слушай, а если в Дроморе нас всех решат перебить, обещаешь прикрыть меня собой?

— Обещаю, — сказал Финн совершенно серьёзно.

Тиб улыбнулся своей широкой улыбкой и бросил ему полотенце.

— Знаю. Поэтому и спрашиваю.

* * *

Обоз вышел из Северных ворот со вторым колоколом, и к полудню Дун-Ардах остался пятном у горизонта.

На инвермарский этот обоз ничем не походил: ни зерна, ни лекарей. Пятьдесят всадников в цветах короны, десяток писцов и слуг, телеги с шатрами и сундуки с дарами для северян. Замыкали колонну два десятка серых капитана Оррана: охрану для посольства снова «одолжили» у дома Ардрих. Тиб, глянув на них, поморщился, Финн сделал вид, что не заметил. А впереди всех, на высоком вороном жеребце, ехал сам Энгус Ардрих: прямая спина и серый дорожный плащ.

За весь день он ни разу не обернулся.

Финн держался в середине колонны, где за пылью и чужими спинами этого серого плаща почти не было видно. В первый же час выяснилось, что переговорные бумаги везёт писец Энгуса, что право говорить от имени короля дано Энгусу и что на вопрос принца, какова в переговорах его роль, писец вежливо отвечает: «Быть там, ваше высочество».

Быть там.

Финн весь день перекатывал эти два слова, как камешек во рту.

После полудня дорога пошла коронными землями. Пашни тянулись вдоль тракта до самого леса, и добрая половина стояла непаханой: межи заросли бурьяном, в старых бороздах торчала сухая крапива в человеческий рост. Попадались дворы с заколоченными окнами, а у одного провалилась крыша, и в проёме росла молодая берёза. Финн спросил, чья это земля. Писец Энгуса, ехавший рядом, ответил, что земля коронная, только сидеть на ней некому: после трёх неурожаев молодые ушли в город, а старикам такую пашню не поднять. Тиб окинул поле взглядом и заметил, что урожай тут хотя бы никто не украдёт.

* * *

На ночлег встали у реки, на широком лугу, где дорога ещё шла по равнине, а впереди, на краю северного неба, уже синели горы. Шатёр Энгуса поставили на пригорке, и он сразу ушёл туда с писцом, свечой и стопкой бумаг. Ужинать к костру он не вышел.

Финна это вполне устраивало.

Костёр развели у самой воды. Кто-то из солдат пожарил на палках речную форель, кто-то достал флягу, и к тому времени, как над рекой встала бледная луна, у костра остались только они двое: солдаты из деликатности разошлись к своим огням. Финн лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел в звёзды. Тиб сидел рядом, обхватив колени, и ворошил палкой угли.

— Помнишь, как тебя привели? — спросил Финн.

— Тебя не было на месте, — сразу отозвался Тиб, и по голосу было слышно, что он улыбается. — Меня два часа продержали в зале, причёсанного, в тесном камзоле, с выученным

поклоном. А принц залез в конюшне на сенник и отказался спускаться, потому что ему не нужен никакой друг от Ардрихов.

— Я думал, ты будешь такой же, как они. Серый и скучный. — Финн усмехнулся в темноту. — А ты пришёл в конюшню сам, никого не спросив. И вместо поклона предложил мне половину медовой лепёшки.

— Краденой с кухни.

— С королевской кухни. В первый же день. Я тогда решил, что никогда не встречал никого храбрее.

— Тебе было семь, — сказал Тиб. — Требования были невысокие.

Река несла лунный свет на юг, прочь от гор. Где-то в траве трещал сверчок, последний в этом году.

— У него всё ещё горит свеча, — сказал потом Тиб, не называя имени. Имя не требовалось.

Финн приподнялся на локте. На пригорке шатёр Энгуса светился изнутри, как фонарь, и на полотне чётко чернела тень: согнутая спина, рука с пером.

— Пишет, — сказал Тиб. — Каждый вечер пишет. В Инвермару к твоему Оррану гонцы тоже возили письма каждые два дня. Все под серой печатью Ардрихов.

— Откуда ты знаешь?

— Я неделю просидел в таможне, Финн, и две — в сторожке, у которой стояли его серые. Гонцы ездили мимо окна. — Тиб пожал плечами. — Я ничего такого не думаю. Просто… занятно. Тебя послали спасать деревню, а он приставил к тебе своего человека и каждые два дня получал донесения. Теперь тебя посылают договариваться с северянами, а договариваться будет он. А ты…

— Быть там, — сказал Финн. Слова вышли горче, чем он хотел.

Тиб покосился на него и тихо хмыкнул.

— Писец и тебе сказал? Мне тоже. Я его спросил, зачем в посольстве принц, а он посмотрел на меня, как на дурачка, и сказал: «Чтобы северяне видели фиолетовые глаза». — Он поворошил угли. — Как перстень на пальце. Чтобы поблёскивал.

Финн опустил глаза на свою руку. Аметист в свете костра был почти чёрным.

Тень на полотне шатра закончила писать, сложила лист, поднесла его к свече — разогреть воск, понял Финн, — и прижала к нему что-то кулаком.

— Он всегда был против меня, — сказал Финн. Думал он это с десяти лет, а вслух сказал впервые.

Тиб только бросил в огонь ещё ветку.

— Спи, — сказал он наконец. — Завтра опять весь день в седле, а ты и так спотыкаешься о собственную тень. Я посижу.

Финн хотел возразить, что посты и без него расставлены, но глаза уже слипались. Последнее, что он видел, — спину друга на фоне огня и светящийся шатёр на пригорке, на который Тиб всё смотрел.

Финн уснул спокойно, как давно не спал.

Глава 10. Северная невеста

В старой таможне Дромора граница высечена прямо в камне пола, и так глубоко, что в неё входит лезвие ножа. Старики говорят, что её углубляют после каждых переговоров.

Брат Мэлахи из Брумы. «Летопись земель восточных»

Энгус

Дромор стоял на перевале, как зуб в челюсти гор, и Энгус ненавидел его с молодости.

Здесь всегда дул ветер, и с годами Энгус стал чувствовать его пальцами раньше, чем лицом. Летом — сухой, с каменной пылью, которая скрипела на зубах. Осенью — мокрый и ледяной, с запахом снега, который уже лёг на вершинах и через неделю-другую спустится на дорогу. Каменные дома за каменной стеной, и лица у пограничной стражи такие же. И выше всего — серая башня маркиза, с которой в ясный день видно Борейн: такие же горы, такие же камни, только чужие.

В первый раз Энгус приехал сюда двадцатилетним, с отцом, на такие же переговоры. Тогда борейнцы сожгли в долине храм Сэйрина, и отец двенадцать дней сидел напротив северного ярла и торговался за каждую овцу. Энгус тогда счёл это позором. Теперь, едучи сквозь створ ворот, он подумал, что отец был самым терпеливым человеком из всех, кого он знал. И, пожалуй, единственным, кого сам Энгус так и не сумел переспорить.

За его спиной процокал копытами по камню остальной обоз. Он не обернулся. Знал и так: в середине колонны, как и все десять дней, едет принц с упрямо поднятым подбородком, а на полкорпуса позади — его тень, мальчик Гарвахов.

* * *

Маркиз Фергал Дромор встретил их во дворе башни без лишних поклонов. Это был невысокий сухощавый человек лет пятидесяти, с белым рубцом на правой щеке и глазами, как у старой собаки, уставшей лаять. Он держал северную марку двадцать лет и ни разу не приезжал в столицу на праздники. Энгус уважал его за это больше, чем половину совета.

— Они уже здесь, — сказал маркиз вместо приветствия. — Пришли вчера на закате, двадцать человек. Стоят в старой казарме за ручьём. Ярл Торгрим и принц Хальвар.

— Хальвар? — Энгус нахмурился. — Который из сыновей?

— Третий. Двадцать три года, ничего своего, кроме меча, и очень хочет, чтобы все видели, как он им владеет. Стражнику руку отрубил он. Сам.

Кто-то позади Энгуса резко втянул воздух. Он знал кто, не оборачиваясь.

— И мы будем с ним разговаривать? — спросил Финн. Голос его звенел. — Садиться с ним за один стол?

Энгус наконец повернулся к нему.

— Да, ваше высочество. Мы будем с ним разговаривать. Именно с ним, потому что на севере разговаривают с тем, у кого меч. Вы хотите, чтобы таких рук больше не было? Тогда вы сядете за один стол с человеком, который эту отрубил, и будете с ним вежливы.

Принц побелел. За его плечом мальчик Гарвахов что-то тихо сказал, и Финн замолчал, не сводя с Энгуса фиолетовых глаз. Успокоил, с некоторым удовлетворением отметил Энгус. Хоть одна его удачная догадка за все эти годы: одиннадцать лет назад именно дом Ардрих назвал королю имя тихого рассудительного мальчика из дома своего вассала. С самим бароном Мёрдоком Энгус не сел бы играть в кости, но приёмыш у него вырос лучше отца. Рядом с таким принцу было хоть кому сказать «потерпи».

* * *

Вечером, над кружкой горячего вина, маркиз рассказал ему остальное.

— Стража держится на честном слове и на дорожной подати, — сказал он, глядя в огонь. — Казна присылает серебро раз в год, и то не полностью. Всё, что у меня есть сверх, даёт подать с перевала. Город её ненавидит. Торговцы ненавидят ещё сильнее. Но если её не будет, через месяц у меня не будет стражи, а ещё через месяц — и города.

Энгус знал эти цифры лучше самого маркиза.

— А северяне?

— Северяне голодные. У них третий плохой год подряд. И у старого короля Рагнвальда четыре сына, а трон у них, сами знаете, держит тот, кто удержит. Каждый сын сейчас собирает себе людей. А людей кормят набегами. Набег — не война. За овец Зефран войска не пошлёт, и в Рёдборге это знают. — Маркиз потёр рубец на щеке. — Хальвар пришёл не за миром, милорд. Он пришёл показать братьям, что Эвран его боится. А Торгрим пришёл следить, чтобы Хальвар не начал войну, которая сейчас Рагнвальду не нужна. Вот и все переговоры.

— Не все, — сказал Энгус.

Маркиз поднял на него усталые собачьи глаза и ни о чём не спросил.

Поднимаясь к себе, Энгус задержался у окна на лестнице. За ручьём, у старой казармы, горел костёр, и у него играли в кости трое бородачей и один в сером плаще. На голове у него сидела рыжая лисья шапка, великоватая ему, — таких рядовым не выдают, да и купить им такую не на что. Видно, всю дорогу вёз её в мешке, а надел только здесь, в горах, по холоду.

Энгус спустился на полпролёта и послал стражника за Орраном. Капитан пришёл, глянул в окно и назвал имя, ничего не спрашивая. Один из тех, что были в лесу за Килбреком.

— С кем он ел и спал с тех пор, как вышли из леса?

Орран подумал и назвал ещё шестерых.

— Этих — в пустой сарай за конюшней, — сказал Энгус. — Скажешь, пили в дозоре и сидят за это. Еду ставить у порога, внутрь не входить. Их плащи, одеяла, всё, что вынесли из того леса, — в костёр. И шапку.

— А его?

Энгус ещё раз выглянул в окно. Солдат как раз выиграл и смеялся, запрокинув голову.

— Ночью. Без шума. И его в тот же костёр, со всем, что на нём.

Утром Орран доложил, что сделано всё, кроме одного: шапки при солдате не оказалось. Тот проиграл её в кости ещё до полуночи. В лагере к тому времени рассказывали, что один из серых спьяну полез через ручей к северным кострам, сорвался с мостков и его унесло вниз, к порогам. Энгус сам сказал об этом Торгриму, раньше, чем ярлу донесли свои, и извинился за пьяницу. Торгрим пожал плечами: у него таких хватало.

Требовать шапку у северян Энгус не стал. Он постоял у окна, глядя на остывшее кострище за ручьём, и пошёл вниз.

* * *

Стол поставили в старой таможне на самой границе: черта, высеченная в камне пола, проходила прямо под ним, и каждая сторона сидела на своей земле. Так сделали ещё при деде Энгуса, и никто с тех пор не придумал ничего лучше.

Ярл Торгрим был очень стар. Огромный, сутулый, с белой бородой, заплетённой в две косы, и одним глазом: второй закрывала кожаная повязка. Оставшийся глаз был серым и неподвижным. Рядом с ним сидел принц Хальвар, и глаза у него были рубиновые, цвета свежей крови на снегу. Рыжевато-светлые волосы, широкие плечи, серебряные браслеты на обнажённых руках, несмотря на холод. Он развалился на лавке и с нескрываемым интересом разглядывал Финна, как разглядывают чужое оружие, прикидывая, ляжет ли оно в руку.

Началось так, как Энгус и ожидал. Торгрим требовал виры[12] за северян, павших в стычке у брода, и называл их вдвое больше, чем было. Энгус называл сожжённую мельницу, угнанных

[12] Плата за убитого, которую по северному обычаю вносят его родне или вождю вместо кровной мести. Уплаченная вира

овец и двух убитых стражников. Про руку он не сказал ни слова. Хальвар ждал этого — Энгус видел, как тот подобрался, как палец сам собой лёг на рукоять ножа за поясом. А потом, не дождавшись, заскучал.

И тогда заговорил сам.

— У вас тут странный обычай, — сказал он на хорошем эвранском, только чуть натягивая слова. — Привозить на переговоры детей. Этот с фиолетовыми глазами — он что, ложки вам подаёт? Или деревни лечит? У нас кое-что слышали про вашего милосердного. Говорят, он очень любит кормить больных.

Из-за стола на северной стороне донёсся смешок. Энгус не взглянул на Финна. Он смотрел на Торгрима — и увидел в единственном сером глазу старого ярла то, что и рассчитывал: усталость. Торгриму было за шестьдесят, его заставили нянчиться с мальчишкой, который рубит пленным руки ради песен, и он хотел домой не меньше, чем сам Энгус.

Рядом с Энгусом скрипнула лавка: принц собирался встать. Энгус, не поворачивая головы, положил руку на стол — не на плечо Финна, этого тот бы ему не простил, а рядом, на доски. И лавка неожиданно затихла. Сзади слышалось только частое дыхание и чей-то шёпот. Мальчик Гарвахов снова сделал своё дело.

— У нас есть обычай старее, принц Хальвар, — спокойно сказал Энгус. — В Эвране трон принимает не самый старший и не самый громкий. Трон принимает самый достойный. Поэтому мы и привозим на переговоры своих принцев. Чтобы соседи заранее знали, с кем им жить.

Это была не совсем ложь. И уж точно не вся правда. Но Торгрим чуть заметно наклонил голову, и Энгус понял, что старик ждёт продолжения. Ждут его и в Рёдборге, в Красном замке. Давно ждут.

* * *

Они торговались четыре дня.

За четыре дня северяне уступили в выкупе вдвое и согласились отдать овец. Эвран согласился пропускать через перевал северных торговцев с половинной податью. Маркиз у стены промолчал, только рубец на его щеке побелел. Хальвар дважды вставал из-за стола и дважды возвращался, когда Торгрим на своём горловом северном наречии говорил ему что-то негромкое и короткое. Финн сидел, как и было велено, прямо и молча, и Энгус с неожиданным сожалением отмечал, что мальчик внимательно слушает. Слушает и запоминает. На третий день он даже задал дельный вопрос про пастбища за ручьём, и Торгрим впервые ответил ему, а не Энгусу.

Из таких мальчиков иногда вырастают короли, подумал Энгус. Лет через десять. Если им никто не помешает прожить эти десять лет.

На четвёртый день остался один вопрос. Тот самый, ради которого все сидели за этим столом и о котором никто ещё не сказал ни слова.

— Овцы и серебро, — сказал Торгрим, когда писцы дописали свитки. Голос у него был такой же тяжёлый и медленный, как и он сам. — Хорошо. Но овцы съедят за зиму, а серебро потратят весной. И летом мои молодые снова пойдут через брод. Потому что овцы и серебро не держат мир, лорд Ардрих. Вы это знаете. И я это знаю. Мир держит кровь.

Вот оно.

Что скажет, Энгус знал ещё в Дун-Ардахе. Слова он выбирал десять дней, по вечерам, в шатре, под скрип собственного пера: такие слова нельзя подбирать на ходу. И помнил, что у костра внизу его тень на полотне видно всем. А произнести их нужно было здесь, при северянах. Узнай мальчик раньше, он отказался бы наедине и послал бы гонца к отцу. Отказать

закрывает вражду — по крайней мере, до следующего набега.

при Торгриме значило бы оскорбить север, а на это Финн не пойдёт: слишком внимательно он слушал эти четыре дня.

Он посмотрел на Финна.

Принц сидел в луче серого света из узкого окна, и аметист на его пальце темнел фиолетовым, как небо перед рассветом. Тонкое лицо матери и упрямо сжатые губы. Три недели в Инвермаре сделали его чуть старше, четыре дня за этим столом — чуть терпеливее. Он поймал взгляд Энгуса и насторожился, словно зверь, учуявший дым.

Он возненавидит меня, подумал Энгус без горечи, как вписывают в книгу неизбежный расход, и дальше этой мысли не пошёл. Сорок лет рядом с троном научили его не думать лишнего даже наедине с собой.

— Вы правы, ярл, — сказал он и снова повернулся к северной стороне стола. — Мир держит кровь. Поэтому Эвран предлагает скрепить перемирие браком. Его высочество принц Финниан из дома Эвран — и её высочество принцесса Сигрид из дома Борейн.

В старой таможне никто не шевельнулся. Ветер с перевала перебирал камешки на крыше.

Хальвар захохотал первым. Торгрим не изменился в лице, только единственный серый глаз его стал чуть светлее, как у человека, которому наконец разрешили сесть.

А на южной стороне стола, в луче серого света, Финн Эвран смотрел на него, как смотрят на предателя. Энгус выдержал этот взгляд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.